

Введенская Мария

ТЕНЕПАД

Иногда дорога домой слишком длинна.

Мария Введенская

Тенепад

Серия «Библиотеки Смерти»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22067107
Тенепад: Маска; Москва; 2015
ISBN 978-5-9906617-5-2

Аннотация

Новый роман из цикла «Библиотеки Смерти»!

Каково же было удивление Джулианы, когда она выстрелила себе в голову и не умерла.... Их всех – чье время, так или иначе, пришло. Что за болезнь превратила людей в бессмертных? И что заставило саму Смерть отступить от возложенных на нее обязательств?

Чтобы во всем разобраться, предстоит отправиться в полное опасностей, абсурда и безумия путешествие по Лимбу, откуда нет выхода. Лишь собравшему семь ключей Смерти откроется дверь, и за каждый придется заплатить самым дорогим....

Иногда дорога домой слишком длинна.

Содержание

Марта и Эрик	5
ДЖУЛС	16
ОЛДЕН	33
АДЕЛЬ	44
МЕРТВЕЦЫ	73
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Мария Введенская

Тенепад

© Введенская Мария, 2015

Марта и Эрик

Казалось, не один век Марта ждала, что начнется ее приключение, поэтому, услышав выстрел, испытала настоящий восторг. Застыв в некотором замешательстве, она слепо озиралась по сторонам. Ее буквально разрывала необходимость сорваться с места и бежать со всех ног, но куда? А если другие соседи тоже распознали выстрел и уже на месте? Марта всегда слышала больше остальных, но выстрел был таким ясным и четким, что собралось наверняка полдома. Такой не спутать с падением какого-нибудь предмета. Совсем рядом и определенно слева, но стены лгут, разве нет? А Марта не могла ошибиться, только не в этот раз.

– Эрик! – взволнованно позвала она. – Ты слышал?!

В проеме ванной показался мужчина в голубом поло и выглаженных светлых брюках со стрелками. Через его плечо было перекинута полотенце, а на щеках виднелись следочки от пены для бритья. Вообще-то они оба собирались на пробежку, и на Марте уже давно красовался спортивный темно-синий плюшевый костюм, так гармонирующий с ее бронзовыми кудрями, но Эрик, видимо, в очередной раз решил ее надуть. Не станет же он бегать в *этом*?..

– Может, это и не выстрел?.. – осторожно предположил тот, словно читая ее мысли.

Сколько Марта его помнила, Эрик всегда был таким. Ни-

когда не рвался в бой в отличие от нее, не искал приключений, а в его душе никогда не бунтовал маленький несносный ребенок, грезящий дальними далями с непроходимыми лесами и необъятными океанами, скрывающими опасных тварей и сундуки полные сокровищ. Эрик уродился совсем другим. Таким спокойным и домашним парнем осторожным до безумия, до нестерпимой ярости собственной подруги, в которой умещался целый отряд маленьких бунтарей, не знающих слова «нет», терзающих соблазнами неизведанных мест. А Эрик был... просто Эрик, и Марта любила его за это. Кто бы еще сумел потушить в ней этот всепоглощающий пожар, пока тот не разрушил всё и вся? У них царила полная гармония, настоящее взаимопонимание абсолютно разных по темпераменту людей. Это ли не любовь?

– Я как раз думаю наоборот! – тихо, но требовательно сказала Марта. – Выстрел. Разумеется, выстрел. И, кажется, в двести пятой.

– Слабо верится. – покачал головой Эрик. – Может сверху?

– Если только сверху и слева. – задумалась та и озорно сверкнула глазами. – Но сначала всё-таки к соседке в двести пятую!

– Стой-стой-стой... – Эрик выставил вперед ладони. – Ты хотела сказать – вызовем полицию к соседке в двести пятую?

– Полицию наверняка уже вызвали и без нас! – упрямо возразила Марта. – Ну давай же! Мы должны быть первыми!

И кстати, сотри эту пену.

– Боже! – всплеснул руками Эрик, наскоро обтерев щеки с подбородком, и неловким движением бросил полотенце на пол. Он словно столкнулся с дилеммой, на какую переκладину его повесить, и в итоге так и не решил ее.

Нельзя сказать, что подобное соответствовало духу чистюли и аккуратиста Эрика, но сегодня Марта просто не могла ждать, пока он сложит полотенце, трепетно соединив углы, и повесит. Она нетерпеливо схватила его за руку и потащила за собой вон из квартиры.

Странно, что при подобной жажде приключений с Мартой не случилось ничего особо примечательного. Порой она представлялась себе томимой принцессой в заколдованном замке, неустанно разглядывающей горизонт. Только вот ждала она не принца. Принц у нее уже имелся. Скорей будоражащих душу новостей и невероятных перемен. Иногда Марта обвиняла в собственной несостоятельности Эрика. С кем поведешься, как говорится.... Думала, что это он подавляет ее своим слоновьим темпераментом, создавая вокруг особую ауру инертности, ввиду которой Марта остается как бы незаметной для распределяющих сил Вселенной. Но это были редкие, действительно редкие моменты самоканнибализма, приходящиеся в основном на критические дни, да и только. В целом же она всегда понимала, кем для нее являлся Эрик, какой нерушимой стеной. А ведь однажды он едва не оставил ее. Совсем недавно. Всего лишь чуть больше года

назад. Сердечный приступ... В двадцать-то восемь лет! Не самый подходящий возраст для таких вещей. Впрочем, говорят, все болезни молодеют. Марта, правда, считала, что дело отнюдь не в болезнях, а в самих людях – они становятся слабее, податливее, совсем перестают сопротивляться. А если прибавить современные лекарства, уничтожающие иммунную систему столь самоотверженно, так чего ждать? Вскоре старческие болезни доберутся и до младенцев. Что это? Расплата за ту жизнь, что имеют люди? За комфорт, за прогресс? Или таков коварный план комитета трехсот по сокращению численности населения?

Марта увлекалась различного рода теориями – они развлекали ее, ненадолго утоляя жажду и пытливость ума, а также позволяя прочувствовать себя частью столь мучимого общества. *Мы жертвы, но нас много.* Почему-то от этой мысли всегда становится легче, но в то злосчастное утро двенадцатого октября ничто не могло скрасить ситуацию. Ни одна идея. Эрик, лежащий на полу....

Напротив, осознание себя жертвой некоего мирового заговора лишь усложнило ситуацию, заполнив легкие раздрающей ненавистью. В тот момент Марта бы предала всех страждущих побратимов без зазрения совести, лишь бы Эрик встал с пола и вытер разлившийся кофе. Потому что эта мерзкая коричневая лужа, в которой он лежал, делала зрелище еще более невыносимым. *Надо всё убрать, надо замести следы....* Только об этом думала Марта, не понимая

до конца, что произошло и продолжает происходить у нее на глазах.

А потом приехала «скорая», вызванная отнюдь не Мартой, а соседкой снизу, особенно остро среагировавшей на раздавшейся грохот и последовавший за ним женский крик. Конечно, этому могло быть любое объяснение, но, слава Богу, именно в то утро миссис Драгич семидесятипятилетняя словенка с волосами так похожими на гусиный пух, словно приклеенный воском к розовой лысине, уловила нечто подозрительное и опасное в том, что происходило этажом выше.

Нельзя сказать, что Марта хорошо помнила дальнейшее, потому как находилась в шоковом состоянии. Те дни, покрытые густой пеленой тумана, то превращались в один растянутый провонявший медикаментами желеобразный день, то представлялись суточной бессмысленной вереницей галлюциногенных снов.

Сколько времени она провела в больнице? Неделю? Или всего лишь час, чтобы впоследствии отправиться домой и, словно робот, совершать механические бездушные действия, как потребление пищи или сон? В любом случае конец этому безумию положил сам Эрик. Он просто вернулся, вытащив Марту из крошащей тьмы. Так кто же умирал на самом деле?

Они никогда об этом не вспоминали, потому что это разрушало. Лишь иногда аромат утреннего кофе или осенний ветер, раскрывший форточку, заставлял сердце Марты сжи-

маться от ужаса. Мелочи памяти... Игра, в которую очень часто играет наш мозг. Мы не хотим этого, но водоворот уносит всё глубже на самое дно, подхватывая запахами или кадрами – такими внезапно четкими и живыми, а не пожелтевшими от старости и не запыленными снегом. Эта игра разрывает нам грудь... но мы не можем остановиться, заткнуть сургучом, хотя и надо бы. Надо. Вместо этого, ухватываемые новым всполохом памяти, мы продолжаем опускаться всё ниже и ниже, так незаметно становясь жертвами депрессии. Мазохисты. Мелочи памяти убивают, подобно грызунам, которых так боятся слоны. Малое – злейший враг большого. Коварный и абсолютно беспощадный.

Занеся, было, кулак для удара в дверь, Марта снова впала в некоторое замешательство.

– Джоанна? – она вопросительно посмотрела на Эрика, но тот лишь развел руками.

– Или Джулиана....

Марта, округлив глаза и пожав плечами, постучала в дверь.

– Эй! Откройте!

Эрик усмехнулся и тихо повторил:

– Эй, *откройте?*

– Ну а что? – зашипела на него та и снова постучала.

– Там есть кто-нибудь? У вас всё в порядке?

Странно не знать имени ближайшего соседа, но этот случай был исключительным. *Девушка из двести пятой пере-*

ехала совсем недавно, месяца не прошло. Она обладала диковинной красотой, но казалась нелюдимою и неприветливою, а Марта никогда не навязывала своего общества тем, кто его не жаждал. Более того она действительно умела подать себя, становясь дивообразной любимицей любой компании, так что если и находился какой-нибудь случайный антагонист, Марта просто прекращала его замечать. Эрик же, напротив, всю жизнь прожил по букве закона ли, такта ли – не суть. Он просто был так воспитан – в строгости, в пуританском приличии. Единственный из его родственничков, кто относился к свободолюбивой и эксцентричной Марте по-доброму, это дед Эрика, в честь которого, кстати сказать, и назвали последнего. Жаль, что уже умер. Впрочем, все умирают. Эрик Веллер старший – он скончался через несколько дней после того, как внук угодил в больницу и так же от сердечного приступа. Но, в его возрасте этот диагноз более логичен. Воспоминания о тех днях перепутались в голове Марты. Она не могла с уверенностью рассуждать о датах, времени... сквозь пелену слез, спутанного сознания и внезапно обрушившейся радости в связи с возвращением Эрика. Марта лишь помнила очень четко, как Маргарет Веллер впервые удостоила их квартиру своим посещением. Ей особенно запало в память белое, как полотно, высохшее лицо. Мать Эрика всегда ухаживала за собой с особенным рвением, но в тот день ее лицо, нарисовавшееся в проеме, казалось постаревшим лет на пятнадцать. Она что-то сказала, а потом

совершила поступок, совершенно не укладывающийся в сознании – обняла Марту и расплакалась.... Что-то говорила про похороны, а Эрик всё-время обнимал мать за плечи, но та не смотрела на него, только на Марту, которая вряд ли казалась столь расстроенной, как ожидалось, поэтому вскоре на лице миссис Веллер отразилось полное замешательство, и она ушла. Марта и сама ничего тогда не поняла, пораженная до глубины души самой сценой.

Позже Эрик объяснил, что у него умер дед, и мать приходила, чтобы это сообщить. Он хотел пойти на похороны, но Марта не отпустила. Она вообще редко выпускала руку Эрика в те дни или даже месяцы. Всё-таки после перенесенного.... Сама-то она слыла персоной нон-грата для Веллеров, так что появление Маргарет на пороге их квартиры и те объятия стали для Марты полной неожиданностью, если не сказать шоком. Обсудив это с Эриком, они пришли к выводу, что его мать скорей всего просто расчувствовалась в связи с едва ли не потерей сына и смертью отца и решила повиниться за все те годы полного игнорирования и многочисленных палок в колеса. Когда такое случается, ты как бы пересматриваешь жизнь, позволяя комплексу вины пробороздить всё твоё нутро от пят до макушки и раскинуться пышной кроной размером с твои возможности к самокопанию и самосуду. Кого-то пересмотр пережитого может и в могилу свести....

А ведь они даже не были женаты. Говорили на эту тему сотни раз, приходя к выводу, что брак это миф, загоняющий

в замкнутое пространство, которого Марта не терпела ни под каким соусом. Так всё это звучало вслух. Про себя же она прекрасно понимала, что воспитание Эрика в столь традиционной семье и его взгляды слишком уж рознятся. А значит, все эти свободолюбивые убеждения работают только в отношении ее лично. Родные постарались, и это не могло не обижать. Они думали пожениться после случившегося с Эриком, но как-то не задалось. Священник оказался слишком странным, ну и так... общий набор мелочей сыграл свою партию «против». Марта не особенно помнила события тех дней, хотя это случилось не так уж и давно. В любом случае они решили оставить всё как есть. А Маргарет Веллер, едва не потеряв сына и похоронив отца, видимо, до конца осознала своё неблагоприятное вмешательство в чужие отношения о чем, разумеется, жалела. Таково было мнение ее несостоявшейся невестки. Сказка на ночь, с которой той лучше засыпалось.

– Слышишь? – шепотом спросила Марта.

Они оба стояли, комично прильнув к двери.

– Нет... – озадаченно ответил Эрик, и Марта испытала к нему настоящий прилив нежности. Он так старался ради нее и был таким милым сейчас.

– Вроде, какое-то движение.

– Не слышу.

Марта угрожающе шикнула и закрыла глаза, словно так ей лучше слушалось, в попытке уловить даже касание пылинок

О пол.

Когда-то отец учил её слушать. Он отводил ее в лес, сажал на пенек и оставлял так часами. Нет, он не был изувером, просто учил выживать. Наука, передаваемая поколениями. Так случилось, что он воспитал ее без матери, поэтому постарался научить Марту всему, что могло бы когда-нибудь выручить ее, спасти. В отличие от Веллеров Дрэйки никогда не слыли прославленными жителями больших городов, исторически промышляя фермерством. Они были близки к природе и знали обо всех таящихся в ней опасностях, и наука слушать не раз спасала жизнь Марте и ее отцу. Она действительно умела распознавать голоса и звуки каждого из живых существ и различать дальность нахождения этих источников. Хотя когда эмоции били через край, даже она могла сплеховать. Прямо, как в момент, когда раздался выстрел, и Марта была так не уверена в его локации. Зато сейчас, прильнув ухом к двери с номером двести пять, она уже не сомневалась, что находится там, где нужно.

Марта ясно расслышала шаркающие неуверенные шаги, но не шаткие, как могло быть у тяжелораненного. Напротив, казалось, что обладатель этих шагов передвигается чуть ли не на цыпочках и вполне устойчиво. *Обладательница.*

– Ну что? Теперь слышишь? – прошептала Марта, и Эрик напряженно кивнул, отступив от двери на шаг.

Ему, верно, не хотелось быть пойманным врасплох в столь нелепой позиции, подумала Марта и последовала примеру.

Теперь она отчетливо слышала шаги даже отсюда.

Клацнула замочная цепь, потом снова и снова, словно у того, кто открывал дверь, дрожали руки. За цепью отъехала щеколда, и дверь медленно отварила, открывая дюйм за дюймом нелюдимую соседку, чьего имени они даже не знали.

Марта, было, открыла рот, чтобы спросить про выстрел, и всё ли в порядке, но вопросы так и остались не высказанными. На миг даже показалось, что она вообще больше не способна говорить.... Услышав выстрел этим утром, Марта даже и не представляла, как попадет в точку, отправившись на поиски источника звука. Она ведь так жаждала приключений, и интуиция не подвела. А как еще это назвать? Видимо лишь на подсознательном уровне можно вляпаться в подобное. Что, как не подсознание, ведет нас по тропе желаний, испытывает на прочность, бросая в лицо, словно грязную тряпку, один из самых дьявольских вопросов: «Ты ведь этого хотела, разве нет»?

Девушка в проеме была определенно растеряна и пробудила в сознании Марты новый нежелательный всполох памяти *о тех днях*. Белая, как полотно, напуганная, изумленная, опечаленная, словно вся радость ушла и больше не вернется. Но отнюдь не болезненные воспоминания превратили Марту в бездыханную рыбину, выброшенную океаном на сушу, а то, что девушка была *жива*.... Хотя в руке она сжимала пистолет, а во лбу зияла дыра.

ДЖУЛС

Странно, что это утро не было каким-то особенно манящим к жизни своими деталями. Да и отторгающим оно тоже не казалось. Даже несколько обидно.... Не светило по-летнему солнце, блуждая лучами по предметам мебели и скудного декора, открывая глазам новые грани старого. Не пели птицы, призывая к благодушному настроению, и случайные прохожие не выказывали никаких символов в своем поведении или речах.

В фильмах такое любят. Когда словно сама природа пытается удержать от крайности или, может быть, напротив, подтолкнуть. Люди придают немало значения подобным вещам. Как были язычниками – так и остались.

Джулиана всегда крайне презрительно реагировала на торжественные высказывания людей о том, что, мол, вопреки всем прогнозам, в день чьей-то там свадьбы светило солнце, словно бы именно для них. Господи... кто ж вы такие, если солнце выходит ради вас, пробивая себе тернистый путь сквозь непроглядные тучи, лишь бы брачующимся веселее пилось и плясалось? Может, тогда Бог исполнит для вас песню с ангелами на бэк вокале? О чем вы, люди? Ну или что-нибудь типа: «Даже небо оплакивало всеми любимого N вместе с нами...» В такие моменты лицо Джулс неизменно искажала гримаса полная сарказма. Давайте же обсудим, кто

этот почивший, чья смерть вызвала осадки, пока сомалийцы подышают от засухи. Может, скобящим так легче? И кому вообще нужна правда? Разве что Джулс... Теперь – да. А ведь еще совсем недавно она хваталась за ложь с таким упоением, с присущей слепотой. Но на это больше нет сил. К черту всё. Последний элемент мозаики, составляющей её правду, лежал в верхнем ящике стола. И за ней больше ничего не было. Такова реальность – одно сплошное ничто... беспредельное, безымянное и необратимое. Никаких дурацких надежд, ими Джулиана уже накушалась. Казалось, они составляли всю ее жизнь, хотя последние три года оказались самыми жестокими и беспощадными. Они добились Джулиану, превратив в обесточено-выжатую, до всего безразличную призрако-машину. Что же было с ней не так? Почему она претерпевала одни неудачи в жизни? Еще до того, как встретила своего злого гения, приведшего к этому утру. Логичная цепь сплошных стереотипов.

Жизнь Джулианы была абсолютно бестолковой и никчемной, но она никогда не прикрывалась обстоятельствами, жестоким веком, в условиях которого вынуждена влачить свое жалкое существование. Она умела только саркастично рассуждать на тему жизни с редкими друзьями, с которыми рассталась без зазрения совести, как только в ее мире появился Лиланд и хоть какой-то смысл с его приходом. Ее жизнь напоминала скорей рассуждение о ней, теоретическую подготовку. Джулиана могла поддержать любую тему, поскольку

была начитанной и многознающей, если конечно снисходила до общения. Но на практике? Что она могла предложить на практике?

В позапрошлом году Джулс закончила экономический колледж. Можно сказать, едва дотянула – так ей было там скучно. Она пыталась бросить его неоднократно, но отец припугнул, мол, если та сделает это, то лишится не только всякого материального обеспечения с его стороны, но и уважения. Так много механизмов и рычагов давления на близких... Любовь – это мощнейшее орудие манипулирования.

Под видом бунтарки всегда скрывается послушная девочка, поэтому Джулиана доучилась в этом навевающем нестерпимую скуку месте в стане середнячков, хоть и могла быть лучшей. Но зачем ей это? Когда стало ясно, что экономиста из дочери не получится, отец фыркнул и устроил ее секретаршей к одному из своих клиентов в юридическую контору. Мачеха не лезла, нянчась с недавно рожденными близнецами, которых Джулс называла Траляля и Труляля – такие они были похожие и бестолковые. Та вообще не считала падчерицу частью своей семьи, всячески избегая общения.

Чего же хотела сама Джулс, оставалось неясным, но зато она хотя бы могла утверждать, чего не хотела. Подобной жизни. И каждый последующий день за исключением, ну может, пары-тройки уверенно пополнял эту коллекцию.

В личном плане она так же провалилась, видимо, считая, что слишком хороша для тех, кто желал быть с ней. Джулс

обладала редкой красотой и неординарным складом ума, и она могла бы иметь всё, но брала только то, что само шло к ней в руки. И что в итоге? Сидела расколотой вазой за письменным столом, то выдвигая, то задвигая верхний ящик.

А через тягучий удушающий год абсолютно неинтересной работы Джулиана встретила Лиланда, запустив некий таймер своего времени. Встретила и влюбилась с присушим безумием и самоотверженностью. Не высказано, что разрушало, и в прямом смысле до смерти. Он был почти вдвое старше, хромой, но потрясающе статный. Столько достоинства читалось в его движениях. Дорогие костюмы и трость с золотым набалдашником возводили его в ранг совершенной недостижимости, хотя он мог быть одинаково органичен и в кожаной косухе с гитарой в руках. Лиланд представлял собой абсолютно джентльмена, и никто бы не посмел усомниться в этом. На ум приходил образ придирчивого английского лорда, хотя его волосы были по-бунтарски длинноваты, а в глазах таилось слишком много мальчишеского озорства.

Лиланд казался очень богатым человеком, но никто не знал, чем именно тот занимается, хотя Джулс не сомневалась, что сфера его деятельности ограничивается криминалом. Возможно, он был каким-то аферистом, но в любом случае гениальным. За то время, что он позволил ей находиться неподалеку, Джулиана поняла это очень четко и даже попыталась разобраться в деталях, но безуспешно. Знала лишь, что ее новоиспеченный босс создал невообразимую в сво-

ем количестве действующих лиц и запутанности сеть, по которой его личную деятельность отследить невозможно. Эта система казалась несокрушимой, потому что ниточка могла оборваться прямо на месте и уж точно не привела бы к Лиланду. Никаких поверенных, просто люди, не встречающиеся друг с другом дважды, не делающие ничего противозаконного, но имеющие неплохие деньги за это. К примеру, первым заданием Джулс было открыть счет в банке на имя некоего Тэйта Маккейна, за что она получила пятьсот долларов. А однажды она передала конверт человеку в красной бейсболке, которого видела в первый и последний раз в жизни, и заработала тысячу. Какие бы манипуляции не прокручивал Лиланд, систему он создал без единой погрешности. Хорошие деньги, набор безликих незнакомцев, совершенно легальные просьбы. От таких легких денег мало, кто откажется. Но для Джулс дело было отнюдь не в деньгах.

Впервые она встретила кого-то настоящего, кого-то исключительно своего, и последствия прекратили приниматься в расчет.... Их первая встреча состоялась в юридической конторе, где Джулиана работала, а точнее уже не работала секретаршей. Подумать только, они ведь могли и разминуться.... Это был самый обычный день, ничем не примечательный, ну прямо, как сегодняшний. Об уходе уже все знали, так что, не тратя времени на ненужные объяснения, Джулс собрала свои вещи в картонную коробку и проинструктировала новенькую уже к полудню. Последовали прощания пол-

ные лицемерия и пожимания рук, как будто все здесь приходились добрыми друзьями. Черта с два – никем они другу другу не приходились и уж точно не друзьями. Так... очередная протеежка, занявшая кресло какой-нибудь талантливой святоши. Зачем люди тратят на слова столько лжи, времени и сил? Всё ради места под солнцем? Так и подавиться недолго. Задохнуться словом насмерть.... Каждый получит ровно то, что заслуживает. А Джулиана просто решила, что ее путь должен быть совершенно другим – подальше от бездарного копошения во чреве офисных будней. Она тоже получила в итоге то, что заслужила. Видимо....

И в тот самый момент, когда она шла по коридору в направлении лифтов, едва выглядывая из-за огромной коробки, увидела *его*. Увидела и пропала в ту же секунду. Этот человек был именно тем, кого она всю свою жизнь украдкой высматривала в толпе, отбирая с такой придирчивостью и скрупулёзностью, словно одна из выдрессированных белок Вилли Вонки. Он казался не таким как все, резко выделяясь из общей толпы – то, как выглядел, как смотрел на всех, включая Джулиану, с каким достоинством держался, не смотря на хромоту. Англичанин, подумала она сразу, замороженно посматривая из-за коробки. Он был одет в дорогой идеально сидящий на нем двубортный костюм, натертые до блеска ботинки, а в руке сжимал деревянную трость с золотым набалдашником. Довольно острые черты лица, задиристый подбородок, длинная стрижка, что добавляло привкус

легкой ветрености его образу, карие хитрые глаза, видящие каждого насквозь и, наконец, обволакивающий бархатистый голос.

– Так мало вещей и такая большая коробка?!

От неожиданности, что этот человек обратил на нее внимание, Джулиана промямлила нечто несуразное, продолжая идти вперед на ватных ногах с единственной мыслью – поскорей спрятаться в лифте. Миром правит парадокс, разве нет? Но он продолжал испытующе смотреть на нее, словно на крючок поймал, не говоря ни слова, просто бесстыдно разглядывая. А Джулиана то краснела, то холодела, то превращалась в комок натянутых мышц. Это была любовь с первого взгляда. Наконец, перестав ее мучить, свободной от трости рукой мужчина залез во внутренний карман пиджака и протянул визитную карточку, но потом усмехнулся, глядя на жалкие попытки Джулис взять ее, и бросил в коробку.

– Я буду ждать. – сказал он и пошел дальше по коридору, пока Джулиана пыталась вспомнить, кто она и где находится.

Сердце билось так громко, что казалось, все вокруг слышат и неловко косятся, а щеки пылали, словно в лихорадке. Лишь дома она сумела взять себя в руки, чтобы достать визитку из коробки, но кроме имени крупными золотыми буквами там, к величайшему сожалению Джулианы, ничего не значилось. ЛИЛАНД БАРЛОУ.

Она была вне себя.... Разбросала вещи, напилась, не спала всю ночь. Так начиналось ее моральное уничтожение. Иг-

ра умельца по психологической части, блестящего манипулятора с эмоционально неустойчивой жертвой. Хотя, кто его знает, как оно было на самом деле? Ответную реакцию ведь Джулиана чувствовала, видела. Так казалось.

На следующий день Лиланд позвонил и уже через полчаса почтил своим присутствием, не спросив адреса, снова заставив краснеть и дрожать. Хотя тому виной вполне могло быть похмелье. Он производил впечатление кого-то до жути значительного и таинственного, что Джулс окончательно потеряла голову. И да, конечно же, она согласилась бы на любое предложение от этого человека, хоть и прослушала половину, увязнув в его теплых карих глазах. Работать на него – да это же то, что надо! Всё, что угодно! Только вот полной неожиданностью стала частота этой, так называемой, работы... Сказать редко – это ничего не сказать. С перерывами в два, а то и три месяца. Всё это казалось перетягиванием ее нервов. Лиланд ведь смотрел на нее равнодушно, но после исчезал на невыносимо долгий срок, и это сводило с ума.

Наверное, Джулс оказалась первой, кто решил устроить за ним слежку. Как раз после того, как они встретились в Лебедином парке. На этот раз Джулиана должна была отправить четыре письма из разных уголков города, не оставив на них отпечатков, а также закрыть ранее открытый счет, забрав оставшиеся на нем деньги себе за работу. Около трех с половиной тысяч.

Как же невообразимо тяжело находиться рядом с ним,

смотреть, изучать вновь! Рана, которой не дают затянуться. Романы на уровне глаз самые жестокие, хотя любой застарелый прагматик скажет, что это фарс, разыгравшийся в воображении впечатлительной девушки. Может быть... Какая разница теперь? Было – не было?

Это утопило ее. В итоге утопило... А тогда она всего лишь предчувствовала такую возможность и решила, что с этим надо срочно что-то делать. Она видела в его глазах ответ и просто должна была попробовать. Джулиана вообще слишком много видела, и часто то, чего не видели другие, но вопрос реальности ее дара никогда еще не стоял столь остро.

Лиланд следовал через Лебединый парк, не имея никакого видимого намерения выходить из него. Так минуло около часа, совершенно вымотавшего Джулиану, нервы которой натянулись до предела. Но Лиланд уверенно продолжал идти вперед, меняя тропинки, пока не выбрал совершенно безлюдную, позабытую, поросшую дикой травой. Джулс казалось, что она хорошо знает Лебединый парк, но этот дремучий участок, живописно делимый узкой тропкой, заросшей колючими кустами, видела впервые. Потом Лиланд сошел и с нее – туда, где змеился ручей, убегая под древний заросший мхом мостик. В этот момент Джулс всерьез задумалась о том, чтобы повернуть обратно, но столкнулась с полной потерей в пространстве. Оставалось лишь продолжать преследование, а Лиланд к тому времени уже скрылся из виду, ловко, несмотря на хромоту, балансируя на скользких камнях.

Джулиана изо всех сил старалась не поднимать шум, крадучись, словно в комичной мультяшной сцене, продолжая преследование, но оказавшись под мостом, поняла, что все ее старания напрасны. Лиланд вышел к ней навстречу из-за угла.... Это был определенно самый темный и заброшенный участок огромного парка, и не оставалось никаких сомнений, что человек, непонятно чем промышляющий и на что способный, завел Джулиану сюда намеренно. Подобное откровение несколько оглушило.

– Зачем ты следишь за мной, Джулс? – мягко спросил Лиланд, подходя вплотную и не щадя дорогой обуви.

Решимости поубавилось, и та словно дар речи потеряла, изо всех сил стараясь выразиться глазами – своими самими, пожалуй, красноречивыми органами. *Я потерялась, и ты нашел меня. И я очень благодарна за это. Но мне так нестерпимо мало тебя! Если бы ты только знал.... Несоизмеримо мало тебя! Мне нужно больше, понимаешь?! БОЛЬШЕ!*

Магия глаз. Безмолвный диалог. Большинство скажут – чушь. Но порой такие вещи всё же случаются. Ведь Лиланд не повторялся, не требовал ответа, просто смотрел, не выражая ни раздражения, ни непонимания. Напротив, кажется, он всё-всё прочитал, и в то же время не был загнан в угол, как часто случается в подобных ситуациях. Он смотрел на Джулиану с нежностью и сожалением, ведь как бы он не относился к ней, величие на другой чаше весов всегда пере-

вешивало. Величие, с которым не так-то просто расстаться, невозможно. Из-за любви люди совершают множество ошибок, как и Лиланд в свое время, но теперь он не имел на это права, потому что в одну воду не входят дважды. Он обладал реальной властью, свойственной кукольникам, дергающим за нити своих податливых марионеток. Что он с ними только не делал, доказывая свое могущество, что только не вытворял! А всё для того, чтобы насолить Всевышнему за то, что тот когда-то сделал с ним.... А любовь – она всегда стоит слишком дорого, и второй раз такую цену Лиланд платить не станет.

– Прости. – сказал он наконец. – Но всё зашло слишком далеко. Я больше не нуждаюсь в твоих услугах.

Лиланд кивнул на бумажный сверток в руке Джулианы.

– Нет... – та попятилась, тщетно борясь с подступившими слезами. – Нет. – и побежала.

Кажется, Лиланд кричал ей вслед, но она была в ужасе от одной только мысли, что больше никогда его не увидит. Как ни странно, но дорогу обратно Джулиана нашла сразу. Зрительная память как всегда не подвела.

Остановившись возле лебединого прудика – своего любимого места в этом парке – она уселась на одну из скамеек, где провела столько времени в раздумьях о нем, своем недостижимом герое. По берегу живописной заводи вальяжно плавали белые лебеди, лениво вытягивая шеи, и явно рисовались, расправляя свои прекрасные крылья, чтобы поз-

волить себя сфотографировать во всей красе. Люди бросали им хлеб, а некоторые даже кусочки фруктов, но лебеди не отказывались ни от какой пищи, горделиво требуя еще. Сойдут и бананы – лишь бы не голодать. Когда-то еще в детстве Джулс никак не могла взять в толк, отчего они не улетают, а потом поняла, что дом – не там, где сердце, а там, где кормят. Почему же Джулиана была не такой? Ну что ей стоило остаться в юридической конторе? Сытно, тепло и не надо вечно искать. Значит, не могла... не настолько мудра и расчетлива.

Джулиана ждала Лиланда. Она знала, что он придет сюда, потому что он чувствовал ее и понимал. Такая связь удивительна. И на самом деле, не прошло и десяти минут, как он опустился на скамейку рядом с ней. Слезы, с таким усилием сдерживаемые, предательски потекли по щекам, принося с собой облегчение. Вместе с ними прорвалось и наболевшее. Она с обидой говорила ему, едва не срываясь на крик, о времени, что он отнял, о весне, которую она даже не заметила, потому что была буквально вывернута им наизнанку.

Впоследствии Джулиана уже не помнила тех пронзительных речей, что вывалила на любимого ею человека, только лишь то, как он обнял ее и прижал к себе. Так и просидели, пока та не успокоилась, уверившись, что они так и останутся здесь навсегда, став частью Лебединого парка. Это воспоминание стало самым дорогим и любимым, сохранив тепло от объятий и касания кожи на века, словно забальзамирован-

ную мумию. Сидеть бы так на этой вот скамейке под внезапно проглянувшим солнцем на берегу живописной заводи с умиротворенно плавающими лебедями и постоянно голодными чайками до скончания веков. Но так же не бывает....
Всему есть предел.

Рука Лиланда, так естественно обнимающая ее плечи, соскользнула вниз и забрала бумажный сверток, а затем он поднялся, поцеловал обреченно кивнувшую Джулиану в макушку и ушел прочь. Это был конец, и она очень четко это поняла. Хотя осталось кое-что еще, подарок на память, ожидавший ее следующим утром. Цветок в горшке, доставленный изумленной Джулиане, красивей которого она не встречала. Такка «Черная Лилия» или «Летучая Мышь» – магическое создание природы, отталкивающее и одновременно манящее. Среди больших сочных листьев на стрелке в пятьдесят сантиметров нависал медузоподобный цветок черно-пурпурного цвета с седоватыми нитями, словно щупальцами. Ну разве не чудо? Диво дивное – редкое по своей красоте, но в то же время и совершенно непонятное, местами даже пугающее, как и сама Джулиана. Конечно, от Лиланда – от кого же еще? Он понял ее, разгадал. Только вот, кому такое надо?

Инстинктивно Джульс потянулась к цветку, но аромат заставил ее отпрянуть. Совсем тонкий, едва уловимый, но узнаваемый. Запах падали. Запах смерти....

Следующие месяцы стали для нее настоящим испытани-

ем. Джулиана изо всех сил старалась выбраться из ямы, в которую угодила, первым делом съехав с квартиры, которую снимал ее отец. Она перебралась в Нью-Йорк, попыталась найти работу и даже поглядывала по сторонам, цепляясь за лица мужчин, но в итоге поймала себя на мысли, что целый месяц только и думает, по каким следам Лиланд смог бы ее вычислить. Ну так, чисто гипотетически, хотя и с надеждой... Господи, как она ненавидела это слово! Надежда. Саму его предательскую суть! Это же чушь какая-то! Ну кто... кто мог выдумать, что надежда хорошая вещь?! Она же разьедает душу, то сменяясь абсолютной безнадегой, то торжественно возвращаясь на место. И сердце просит ещё, подсаживаясь на этот наркотик, но оно не резиновое. Господи, оно же не резиновое! И в какой-то момент сердце просто рвется, как старая тряпка.

Именно надежда – пустая и безжалостная – привела Джулиану сюда за этот стол этим утром, но именно безнадега будет той, кто завершит начатое. Ее рука уже давно легла на рукоять сигмы¹. Почему так легко купить оружие? А потом охает, когда какой-нибудь психопат заходит в школу и начинает всех расстреливать....

Что в жизни Джулианы произошло такого, чтобы пойти на крайние меры? Как оправдать это? Да никак. Она просто не хотела больше жить! Эгоистично по отношению к близким? Но их нет. У отца новая семья, мать бросила их, когда

¹ Сигма – модель пистолета американской фирмы Смит и Вессон.

Джулиане едва исполнилось четыре. Друзей нет, приятелей не осталось. Лиланд.... Господи, да хватит уже! Он не придет! А может быть, сей акт эгоистичен по отношению к будущему? К какому будущему, простите???. Чтобы стать улыбающимся, как блин румяный, членом общества, Джулиане, как минимум, надо пройти несколько ступеней какого-нибудь мозгорасправляющего или наоборот засирающего (кто знает) тренинга, устроиться на работу и завести приятеля... ну хотя бы собаку. Правда с ее экономическим колледжем, понятно, что за работа это будет, хотя в ее двадцать три можно получить и другое образование.... Только вот одно «но» – Джулиана та, кто она есть. А это значит, что как бы она не пыжилась, всё равно вернётся к старым вопросам, и ничего здесь не изменить, не выдать, можно лишь убить. Вот если бы с ней постоянно находился кто-то знающий ее уклад психики и умеющий искусно направлять необузданную разрушительную энергию и манипулировать настроением, говорить то, что нужно и помалкивать, когда самое время.... Таковой, как Лиланд. Но где ж его достать? Он мог бы всё изменить, но ему этого просто не надо. У Лиланда великие планы по завоеванию и порабощению чего-то там, от которых он ни за что не откажется. Очередной пленник психологической травмы....

Но не он, конечно, виноват во всем. Лиланд же не давал никаких обещаний, просто смотрел, просто выкручивал жилы и вгрызался в душу. Но это ведь ничего не значит? Ро-

маны на уровне глаз и знаков не ответственны за разрушение судеб. Вина полностью лежала на плечах Джулианы, если, конечно, эмоциональный уклад имеет смысл обвинять. Выходит, виновна в том, что существует. Она выжала себя, обесточила, превратила в невротичку с последним лучиком гребаной надежды, которой больше не могла выносить.

Интересно... – подумала Джулс, не моргая глядя на такку. – Почему растения, опыляемые мухами, так красивы, необычны и изысканы? Почему недостаточно просто нести тухлым мясом или навозом? Зачем вся эта дикая сверхъестественная красота?

И правда, для кого она? Может, для себя? Ведь эти растения всё равно получают желаемое. Они же хищники – изобретательные ловушки. К примеру, аронник пятнистый стремительно поглощает насекомое, стоит тому усесться, и раскрывается, лишь, когда опылен несчастным узником. Эстрагон обыкновенный держит насекомых всю ночь, а гиднора африканская и вовсе питается ими. Стапелия – уникальный цветок, похожий на морскую звезду с лепестками, покрытыми мягкими седыми волосками, и мухи не только с удовольствием опыляют их, но и оставляют кладку. Червивая стапелия... Цветок с забавным и абсурдным названием «Лилия мертвой лошади» способен поднимать свою температуру ради привлечения мух. Наверное, так он больше всего напоминает еще не остывший труп.

У всех этих растений есть нечто общее – отвратительный

запах и цвет преимущественно плоти. А как же такка? Попав в градацию редких созданий, она оказалась полной индивидуальностью, белой вороной. Запах падали едва уловимый, цвет – явно не мяса. Джулс где-то вычитала, что именно блеск клеток в глубине цветка привлекает насекомых. Блеск.... Столько уловов, и всё ради мух, которым не чужд блеск. Что Лиланд хотел сказать этим?

И как только эта мысль пришла к Джулиане в голову, ее зубы скрипнули от злости, потому что любая тема всё равно сводилась к одному и тому же. Она обессиленно уронила голову на грудь, и черные волосы закрыли лицо занавесом, чуть подрагивая в отрицании и немощи, в слабости воли. Хватит.... Давайте заканчивать.

Не думая, больше не позволяя себе думать, с единственной целью – выбить человека по имени Лиланд из своей головы, Джулиана вытащила из верхнего ящика пистолет, поставила ко лбу и выстрелила.

ОЛДЕН

Говорят, за миг до смерти вся жизнь успевает пронестись перед глазами. Так и есть, хотя всё-таки и с небольшим нюансом. Только лучшие кадры сопровождают человека на другой берег Леты. Прежде чем упасть на дощатый пол Олден Макнелли увидел свое беззаботное детство, проведенное здесь в небольшой деревушке неподалеку от Элгина. Увидел пятерку мальчишек, несущихся верхом во весь опор к своей мечте. Своих друзей, с которыми провел столько времени, и это был мир, кроме которого больше ничего не существовало. Весь мир... он здесь. Единственная правда, с которой потрясающе легко жить. Самая крепкая дружба зарождается именно в эти мальчишеские годы, и она честная, по-настоящему честная, ведь глаза еще не слепы, а уши не глухи. Сердце горячее и не терпит предательств. Никаких полутонов, добро и зло разделяется с одного вздоха. Всё ясно и понятно, и как говорят взрослые, беззаботно. Ну да, именно так – беззаботно, потому что детское сердце не терпит лжи. Во всяком случае, с Олденом и его друзьями дела обстояли именно так.

Они были абсолютно неповторимы. Герои девчачих снов. Шпана. Им часто доставалось, но это ничего. Такая же часть истории, которую с упоением рассказывают отцы своим детям у костра, а те слушают, поразевав рты и боясь шелох-

нутья, словно являются свидетелями некоего сакрального момента. Особенно ярко подобное воспринимается в кругу самих героев этих легендарных саг, но в случае Олдена такого, увы, уже очень давно не случалось... Слишком.

Короли Звонящего леса – так они себя нарекли, что весьма рознилось с характеристиками взрослых в их адрес, чья беззаботность осталась далеко позади. Но что делать? Особенно их не любили Мактавиши, у которых Олден с друзьями постоянно воровали скотч из погреба и неплохо на этом разжились. А еще они частенько удирали на ночевку в Звонящий лес, чтобы развести там костер и запечь картошку, от которой так гипнотически пахло, что казалось насытиться ею просто невозможно. Картошка на столе и вполонину не так хороша. Она вообще непривлекательна. А после картошки они пускали по кругу бутылочку ворованного скотча и сигарету – обязательно вместе, а то эффекта не будет – и травили байки, обсуждая всё на свете, что казалось таким важным. Олден или Старик, как называли его друзья, мнил себя Питером Пенем в те времена, и не потому, что он был мозгом их шайки, просто он не хотел вырастать. Думал, что этого никогда не произойдет. Наверное, предчувствовал, что за порогом юности скрывается страшное.

Никто из его тогдашних друзей не дожил до этого дня, и теперь пришла очередь за капитаном.

Пятеро огромных, как казалось тогда, коней, неслись во весь опор с азартно смеющимися в каком-то безумном сча-

стве седоками. Словно видео клип о лучшем моменте в жизни. Они тогда «позаимствовали» лошадей с пастбища несчастных Мактавишей и гнали на них вперед, почти добравшись до самого Данди. Друзья на век. Короли Звенящего леса, для которых нет границ, и всё нипочем. Джеймс «Борода» Комин, Марти Грант, Гэйвен «Тюлень» Кларкс, Тейт Маккейн и Олден Макнелли по прозвищу Старик, потому что всё знал и имел мнение по любому вопросу. Спасибо отцу, который слыл вольнодумцем и всем занятиям на свете предпочитал чтение, привив и Олдену эту любовь. Его до сих пор так называли в этих краях, а некоторые только это прозвище и знали, передавая по наследству славное имя героя, подвигов которого никто уж и не вспомнит.

Между ним и его друзьями была телепатическая связь, словно они все вылезли на свет из одной утробы. Они могли гонять мяч по шесть часов к ряду или самозабвенно собирать яблоки с чужих деревьев, чтобы потом продать. Не сказать, что их семьи были богатеями, а мальчишеские мечты всегда требуют вложений, вот Олден и изобретал мыслимые и немыслимые способы заработка. Они могли водить впечатлительных девчонок за фунт в заброшенный дом Друмондов, населенный призраками, роли которых обычно доставались Тюленю и Марти. Или подрядиться собирать ракушечник, яснотку или можжевельник для местной знахарки, которая всегда исправно платила, даже несмотря на то, что половина сбора приходилась на сорняки. Они мечтали сбе-

жать в большой город и стать профессиональными футболистами, и однажды им это почти удалось. Казалось, что они даже сделали это.

Как-то раз, когда в общаке накопилось чуть более семидесяти фунтов, что виделось целым состоянием, они украли лошадей у Мактавишей и умчались на них переполняемые безумной радостью, что грудь разрывало. Хотелось кричать и нестись так быстро, чтоб дух захватывало. Так и случилось. Еще одна красноречивая легенда. И пускай их поймали, и им здорово досталось – плевать. У них был день, самый счастливый день детства, когда все пятеро неслись по бесконечным изумрудным холмам навстречу небу. И была ночь у костра – лучшая и памятная. Они травили байки, обсуждая девчонок, и курили сигареты, совсем как взрослые. Это было дороже самого дорогого, и даже наказание оказалось в радость.

После школы Тейт стал единственным, кто поступил в университет, и не потому, что Олден не тянул, а просто он считал учение пустой тратой времени и доподлинно знал, что найдет лучшее применение своим способностям. В любом случае все думали, что у Тейта большое будущее, а в восемьдесят четвертом он выбросился из окна общежития, хотя Олден был уверен, что ему в этом помогли. Они все неплохо играли, даже достигли мастерства, можно сказать, но Тейт просто сел за стол не с теми. Задолжал денег, а отдавать не захотел, потому что считал себя жертвой шулера, коим оказался сын богатого и влиятельного человека. Так

всё закончилось. Эта история изменила Олдена, перекроила до неузнаваемости, постепенно прибрав к рукам *всё*. Но это случилось позже, гораздо позже. До восьмидесят четвертого у них еще оставалось время на счастье. Золотые годы.

Олден бросил школу, решив, что он достаточно знает, чтобы просиживать штаны на обшарпанных стульях, цепляя занозы на задницу. Отец сильно расстроился, но ничего поделать не смог, его сын всегда знал, как лучше. Олден начал зарабатывать, проявив в этом деле большую сноровку, проворство и ловкость. Он всегда знал, как и где заработать и никогда не ошибался. Что-то перепродать, что-то отнести или доставить, разгрузить или погрузить – законное и не очень. Кумир всех девчонок, даже самых правильных. Постепенно его друзья приобщились, и короли Звенящего леса снова дышали одним воздухом свободы выбора и боевой славы.

В девятнадцать Олден встретил ее – свою единственную любовь Кейт. Утренняя роза чайного цвета, едва распустившаяся после ночи, нежная, прекрасная, юная и чистая.

За миг до смерти Олден отчетливо увидел ее фарфоровое личико. Она обнимала его своими изящными руками – Кейт, проснувшаяся в лучах утреннего солнца, улыбающаяся ему своим ослепительным блеском. Сияние шло изнутри нее, жило в ней, манило, гипнотизировало. Как невообразимо повезло Олдону встретить такое чудо, жаль, что это продлилось так недолго. Через полгода он подарил ей кольцо

– простенькое, с крохотным бриллиантовым осколочком, но Олден сам на него заработал и считал личным достижением, не испытывая и толики неловкости. Он старался быть романтичным и всё предусмотреть, но в итоге предложение вышло каким-то скомканным. Съёмная комнатка с отклеенными обоями, вино из пакета, но большего Олден не мог предложить. Пока нет. Дни его величия были еще далеко впереди, но Кейт согласилась и сказала, что милее предложения руки и сердца даже трудно представить.

Говорят, когда любишь, закрываешь глаза на многое, хотя в современном мире принято считать, что к условиям проживания это перестало иметь отношение. Быт рано или поздно заедает, уничтожая всё светлое и требуя всё больше и больше денег, но этим двум было действительно хорошо. Пусть и в бедности, но кроме друг друга они не нуждались ни в чем. Да и друзья всегда околачивались неподалеку: Тюлень, Борода, Марти и Тейт. Пока еще.... Некогда скучать, некогда думать над своим положением. Некогда грустить.

А потом погиб Тейт, и всё слетело с катушек. У нигерийцев есть пословица: «Сердце не колено, оно не гнется», и Олден не стал исключением. Он поклялся найти того, кто убил его друга, и отомстить. Он не подумал о том, что последует за его действиями, потому что просто не мог иначе.

С гибелью Тейта – самого рассудительного – остальным пришлось внезапно вырасти, остепениться, поставить точку на прошлых деньках. Беззаботному времени пришел конец,

и оставшиеся четверо уже не королей, а всего лишь обычных взрослых начали расходиться. Гэйвен устроился в порт, Олден – на вискикурню, Джеймс вернулся в семейный мебельный бизнес, весьма порадовав родных, а Марти уехал в Глазго, подобравшись к их детской мечте ближе всех. Но футболистом он, понятное дело, не стал, меняя сферы деятельности, с потрясающей скоростью. Они стали редко видеться, но пока не сдавались, а погубил всех именно Олден, посветив в свой план мести. Кроме Кейт, разумеется. Она как раз была на шестом месяце тогда – вряд ли одобрила бы, да и к чему лишние волнения? Они с ребятами всё быстро устроят. Так казалось....

Олден отчетливо помнил чувство, посетившее его тогда – неправильности происходящего – но в крови, в его корнях жило так много горячности, самоубийственной решимости, пробудившей сердце древнего воина. Не гнушается сердце. Тогда Олдену казалось, что он не может поступить иначе, а сейчас за миг до падения на дощатый пол отчетливо видел, какую цепную реакцию запустил, погубив всё, что так любил.

Библия учит, если тебя ударили по одной щеке, подставь другую. Молодому Олдену казалось, что это чушь собачья. Для слабаков. А сейчас? Вдруг иногда нужно просто принять происходящее? Принять с покорным смирением, потому что каждое ответное действие вызовет равное по силе противодействие, а то и похуже? Ты всё равно проиграешь, как ни

крути. Ведь иногда мы просто заслуживаем того, что с нами происходит... А еще очень часто умереть должен кто-то хороший, чтобы всё закончилось, потому что их слишком мало. И чем меньше становится, тем сильнее это отражается на прочих, мобилизуя, заставляя думать, менять. Условность? Конечно. Страшно? А как же....

Благодаря Тейту – его смерти – все они выросли, проскочили порог иллюзий, где всё было не взаправду, и вошли в зону ответственности. Время королей Звенящего леса истекло. Стоило ли брать на себя обязанности Бога? Сейчас безсекунды-Олден понимал, что нет. Понимал, как ошибся. Хотя можно ли подобное назвать просто ошибкой? Не там свернуть – это ошибка. Забыть снести бутылку в погреб – это ошибка. А то, что сделал Олден – это убийство. Причем массовое. И пусть точку в этом всем поставил он сам.... Хотя разве? Если летел сейчас головой вниз избитый и переломанный со второго этажа дома, в котором вырос, и откуда сбежал?

Но тогда в восемьдесят девятом ему, находящемуся на грани безумия, казалось, что это конец.... Уничтоженный болью потерь, покалеченный физически и в какой-то степени тоже умерший Олден сбежал в Канаду. Он превратился в совершенно другого человека, словно создал персонаж, машину без сердца, которая должна была постоянно идти вверх, к власти, чтобы понять систему и достать тех, кто отнял у него самое дорогое. А когда это произошло, Олден

просто не смог остановиться, потому что мертвые не вернулись, и дыра в душе не зажила. И тогда он вышел против самого Бога, пожелав стать гораздо хуже, чем Он, безжалостней и кровожадней. Это стало делом принципа. Вызов, брошенный своему злейшему врагу – Всевышнему. Олден сменил имя на Лиланд Барлоу, превратившись в тень человека, которым он когда-то был.

Однажды приходит время, когда во всех своих неудачах и трагедиях начинаешь винить Бога. И что бы там ни понимал Олден за мгновение, как сломать себе шею, в глубине души он так и не смирился со своими потерями, и злость, накопленная с годами, лишь окрепла. Злость, скрываемая под личиной сдержанности и безразличия. Хорошо, что его убили сейчас. А то еще бы год, и Олден совершил бы геноцид какой-нибудь африканской страны, а еще через пару лет придумал бы как развязать атомную войну.

Он создал удивительную систему, словно паук выплел свою паутину. На него работали, даже не зная этого, не осознавая, к чему на самом деле причастны. Освобождает ли это от ответственности? Подумаешь, письмо отослать... Разве можно знать наперед, что его содержимое обанкротит или доведет до самоубийства какого-нибудь власть имущего? Информация как рыба – чем опытней ловец, тем крупнее особи. Когда-то Олден начал с мелких афер и шантажа, пытаясь подступиться к своим врагам за океаном, хотя тогда казалось, что весь мир у него в руках. А уничтожив одних, он

просто не смог остановиться, ведь играть информацией так просто и увлекательно. Играть людьми, которых по-детски разделяешь на плохих и хороших. Но только если детское сердце искренне, то взрослое просто считает так по инерции, а сердце Олдена и вовсе согнулось. Он играл в Бога, который сверху следит, как истребляют семьи, села, города. Огнем ли, болезнями ли из пробирки. . . . Умелый манипулятор никогда ничего не касается сам.

По природе своей люди любопытны, но никто никогда не вскрывал его конверты, а случись подобное, находился и соглядатай неподалеку. Иногда имела место быть и личная встреча, но очень редко, если Олдону становилось скучно, но в любом случае это был замкнутый круг без конца и края. Лишь недавно он изменил своим правилам, поэтому и оказался здесь в своем старом доме, чтобы привести мысли в порядок. Он нарушил два своих основных постулата: не отходить от придуманной им системы и не влюбляться, а последнее в его пятьдесят просто смешно. Но девушка напомнила Олдону Кейт. Не внешне, нет. У нее внутри жил тот же ослепительный блеск. Сияние, о котором она и не помышляла. Бесстыдно младше, но что поделаешь. . . . Не подпустить, не оттолкнуть – мужества не хватило. Бедная девочка, как он измучил ее! Да и себя не меньше. Вся эта история так смутила Олдена, так сбила и резанула по живому, что он снова сбежал, только теперь домой. Для последней точки, как оказалось. Не иначе как провидение. Так должно было всё

закончиться. Именно так.

У Дэйва Шамуэй, которого они убили с друзьями, имелась очень большая семья, не всех членов которой Олден уничтожил впоследствии. И его возвращение в родные пенаты не осталось незамеченным. Чуть больше месяца спустя его приезда четверо здоровенных мужиков вломились к нему в дом и избили до полусмерти, а потом сбросили со второго этажа вниз головой.

Как ни странно, но уже потерявшийся в боли Олден Макнелли, улыбался... И не потому что он хотел позлить этих парней, а потому что видел не их, а своих мертвых друзей – Джеймса Комина по прозвищу Борода, Марти Гранта, Гэйвена Тюленя Кларкса и Тейта Маккейна, которому все предрекали большое будущее. Они вновь были вместе, вернувшись во времена беззаботности и негнущихся сердец, когда всё еще не вышло из под контроля, задолго до цепных реакций, где они оставались самими собой и планировали прожить так всю свою жизнь. Короли Звнящего леса неслись сейчас во весь опор на украденных лошадях по изумрудным холмам навстречу своей мечте, задыхаясь переполняющей радостью.

АДЕЛЬ

Она стояла на пороге дома человека, с которым стала очень близка за последний месяц. Не роман, не связь, а дружба. Адель буквально вломилась в его жизнь со всем своим табуном личностных проблем и заставила проникнуться к себе. Они спасали друг друга и, возможно, даже спасли бы, будь на то время. Но картина, открывшаяся глазам Адель, говорила об обратном.

Человек, которого все знали под прозвищем Старик, лежал сейчас лицом вниз на дощатом полу, словно поломанная кукла. Руки, ноги, а главное шея располагались под совершенно немислимыми углами, о которых Адель даже думать не хотелось.

– Олден... – ахнула она, и волна нестерпимой жалости сковала нутро мертвой хваткой.

– *Господи...* – Адель закрыла ладонью рот, впившись ногтями в щеку, и бросилась к нему.

Она боялась дотронуться, совершая забавные движения, словно диснеевская волшебница. Так и не решившись, Адель снова вцепилась руками в лицо и горько заплакала. Не было никаких сомнений в том, что Олден мертв.

Они познакомились месяц назад в маленьком местном пабе «Труба и лошадь» и прямо таки взбесили друг друга с первого взгляда. Хотя говорят, в отторжении кроется подсо-

знательная заинтересованность. Только утром Адель прилетела сюда из Нью-Йорка и чувствовала себя дико вымотанной изнурительной дорогой. Она долго искала по интернету такое место, которое можно было бы охарактеризовать как «безлюдное», в условиях дикой чарующей красоты полной задумчивости и деревенской прелести. Подобных мест много, но почему-то при взгляде на фотографию именно этого дома посреди шотландских фантастических природных красот защемило сердце. Словно всё это было предрешено. Адель бежала сломя голову от неудач, пустоты и себя самой, но ответы на ее многочисленные вопросы брали свое начало лишь здесь.

Дожив до тридцати лет, она поняла, что ее жизнь не сложилась. Ни семьи, ни работы, съёмное жилище, зато целый букет неврозов. А ведь она всегда выделялась из толпы, отличаясь красотой и талантом, но вот только совершенно не умела пользоваться этими дарами. Словно всю жизнь прождала, когда кто-нибудь преподнесет ей все блага мира на блюде. По сути, неудачница, жертва бесконечного самокопания Адель подошла к безумию на довольно близкое расстояние, на полную. Она выбрала уютный домик на самом краю Звенящего леса в деревеньке близ Элгина, только вот уже на подъезде позвонил риэлтор и, страшно извиняясь, сообщил, что снять дом не получится, так как неожиданно вернулся владелец. Адель, было, приготовилась впасть в истерику, а потом вдруг вспомнила, сколько дерьма с ней при-

ключилось за последнюю пятилетку, и успокоилась... Подумаешь, всего лишь очередная неудача. И почему-то от этой мысли ей сразу стало легче. По-настоящему легче.

Она ничего не сказала водителю, а спокойно доехала до обещанного ей дома. Он оказался даже ещё восхитительней, чем на фотографии. Одинокий, на лесной опушке в сельской глухомани – всего пара домов в округе, словно сошел с иллюстраций старинной сказки. Хотя, возможно, это лишь видение жителя бурлящего мегаполиса. По стенам тенью элемента, рукой природы, желающей поглотить их в своем череве, поднимался плющ, а за домом разросся давно запущенный сад. Слева среди могучих деревьев пряталась уютная беседка, увитая покрасневшим диким виноградом. Адель буквально умирала от желания засесть в ней с ноутбуком и написать пролог к своей книге. Она бросила туда вещи, словно застолбив это место, и отправилась в живописный и по виду очень традиционной паб под названием «Труба и лошадь», который видела еще из окна такси. Топать, конечно, пришлось немало – миль пять, но место и вправду оказалось чудесным, пронизанным духом старины. Говорят, владелец прикормил оленей, и теперь они бесстрашно приходили сюда, но Адель за время, проведенное здесь, видела ну разве что диких лошадей, которых из-за низкого роста все называли «пони».

Внутри почти никого не было. Двое за стойкой и престарелая пара, занимавшая с достоинством столик. Поразмыслив,

Адель стала третьей у бара, заказав Глен Элгин – прославленный местный скотч. Словоохотливый бармен, половину слов которого она не понимала, тут же расспросил ее, кто такая и откуда, но несколько странно среагировал на самую суть проблемы. Отошел даже.... Адель почувствовала некоторую неловкость, окончательно смирившись с перспективой заночевать прямо в беседке с сумкой вместо подушки, ведь мало ли когда хозяину дома взбредет в голову вернуться. По туманным словам риэлтора ей показалось, что фигура владельца весьма загадочна, и ожидать можно всего, что угодно. А ночи-то здесь вряд ли теплые....

Подав второй Глен Элгин бармен, видимо, осмелел или собрался наконец с мыслями, чтобы заговорщически кивнуть вправо, где на достаточном расстоянии друг от друга сидели двое мужчин. Он шепнул ей что-то типа: «Спроси старика», но по виду оба не доходили до указанной градации, хотя кто знает этих шотландцев....

Допив вторую порцию, Адель подошла к сидящему ближе и, чувствуя себя при этом полной идиоткой, спросила:

– Старик?

Но тот лишь смерил ее насмешливым взглядом и кивнул на соседа, укрепив во мнении, что «старик» – прозвище. А к нему так не хотелось подходить.... Он показался ей персонажем из древних легенд, у которого боги в наказание отобрали всё, что тот имел. Человек выглядел злым, мрачным и бесконечно уставшим. Груз проблем на его плечах едва не

ломал хребет. Он походил на потасканного рокера в глубокой депрессии. Будто всё уже попробовал, и осталась лишь смерть. Последний деликатес. Рядом с ним к барной стойке была прислонена трость с золотым набалдашником – слишком изысканная и дорогая на вид, чтобы вязаться с образом человека в мятой растянутой серой футболке.

– Простите, а может быть, у вас найдется не такое глупо звучащее имя? Так же невозможно общаться... – обессиленно выдала Адель.

Человек, которого все звали стариком, медленно повернул голову, смерив подошедшую уничтожающим взглядом.

– О Господи... – выдохнула та. – Не смотрите на меня так. Я чувствую себя совсем нелепо! Позвольте мне вас угостить. Что пьете?

Но мужчина продолжал также напряженно и издевательски смотреть на Адель, только теперь к этому прибавилось раздраженное покачивание головы. Чувствуя себя на грани побега, она подала знак бармену, и тот, испытывая дикую жалость к этой несчастной, поставил две новые порции: Элгин для Адель и Лагавулин для Старика.

– Я не знаю тебя. – тихо и зло сказал тот, отодвигая стакан.

– Дело в том... – уже более уверенно и настойчиво начала та. – Что произошло недоразумение. Я сняла дом на окраине леса и уже заплатила. Ваш дом... А теперь мне просто некуда идти.

– Но я здесь, так? – бросил Старик и отвернулся, не желая

больше разговаривать.

Адель была в бешенстве. Вообще она очень быстро зверела. Могла сделать нечто такое, о чем потом бесконечно жалела. Могла ударить во что-то, разбить, сломать, протаранить.... Ярость ослепляла ее настолько, что она совершенно не могла контролировать себя, вследствие чего все ее руки были изувечены глубокими уродливыми шрамами. И никого рядом, чтобы схватить за руку....

Чиркнув стаканом по барной стойке, словно желая оставить борозду, Адель села за столик у окна. Веселенькая же ночка ее ожидает, ничего не скажешь. Почему?! Почему она не обрушила стакан на его голову?! Вечно Адель жалела о том, чего не сделала! С этого ракурса дела обстояли, куда драматичней. Исходя ядом, она испепеляла спину домовладельца с идиотским прозвищем. Ну почему ей так не везет?! Столкнувшись с новой неудачей, Адель потонула в старых, чего зареклась больше никогда не делать. Тридцать лет... ни мужа, ни детей, съёмное жильё, копеечные подработки – одна говённая другой – не сложившаяся писательская карьера и ни малейшего представления о том, чего она хочет на самом деле. Как будто проклята! А может, просто недостаточно старалась?.. Эта мысль особенно сводила ее с ума. Как же надо стараться, чтобы было достаточно? Она всё никак не могла попасть в нужную струю – оказаться в нужном месте и в нужное время, словно бы постоянно делала неверный выбор, проживая чужую жизнь. В итоге целый букет неврозоз.

Адель умела убеждать, умела проникать в тайны людей, в прямом смысле владея словом. Они сами ей всё выкладывали. Может, надо было стать психологом? Она и себя убеждала, что рано или поздно всё изменится, и удача улыбнется. Иногда срабатывало, но всему есть предел, поэтому количество шрамов неизбежно увеличивалось. Адель подумала, а что если и через двадцать лет ничего не изменится, а она всё также будет себя убеждать, что когда-нибудь удача улыбнется, сделав ее обычным среднестатистическим жителем планеты со своим домом, взятым в ипотеку, семьей со всеми их недостатками и даже собакой. Неужели и в старости, если доживет до оной, она продолжит надеяться на «когда-нибудь»? Это же просто невыносимо.... Как с этим справиться? Как к этому относиться? И когда эти мысли загнали Адель во мрак, она подумала, что было бы здорово просто сбежать на какое-то время, чтобы расслабиться и ни о чем подобном не думать. Туда, где не надо быть обязанной никому, а главное себе, стать успешной, завести семью, купить дом.... Где ты не думаешь о деньгах, о том, что тебе их просто может не хватить в какой-то момент. Где ты можешь наконец сбросить с себя амбиции, навязанные обществом, словно доспехи, и просто жить. Есть, спать, пить, веселиться, отдыхать.

По статистике процент самоубийств на Ямайке и Гаити равен нулю. Может, там такое место? Все одинаково бедны и обкурены. Но там ведь есть масса вариантов «двинуть кони» по иным причинам.... Писатели и режиссёры обычно назы-

вают раем то место, о котором так грезила Адель. Они утверждают, что лишь после смерти мы можем отдохнуть и не заботиться ни о чем. А Олден всегда говорил, что всё зарождается внутри человека. Думать или нет о последствиях, о завтрашнем дне – его выбор. Нас учат ставить вопрос: «А что если?». В нас воспитывают нравственность, заставляя постоянно обдумывать корректность поведения – что сказать, как сказать, смотреть ли пристально, дотрагиваться ли. Общество возвращает в нас комплексы – так легче управлять. Вся наша жизнь состоит из правил, которым мы послушно следуем, даже порой, не понимая этого. Манеры, такт, воспитание – жестокая градация на хороших и плохих. Можно уехать на край света, но на самом деле, пока человек не даст себе свободу сам, он нигде не обретет покой. Даже в раю.

Несколько следующих ночей Адель спала в беседке в собственном чемодане, словно гамбургер. Так было теплее. Чистила зубы, ополаскивая рот Витель, окуналась в лесном озере, проклиная вслух Старика, ведь вода оказалась дико холодной для нее, а питалась в пабе. Она уже начала задумываться об осени и зиме, с ужасом представляя, как будет нырять в прорубь и ночевать в чемодане в мороз. Адель оплатила дом только за июнь, но она словно втягивалась в это место и в жизнь, какую начала вести. Без мыслей, ясную, как южная ночь. Правда, и книгу пришлось отложить, но это даже к лучшему, всё равно в ее дверь не ломались агенты. Когда то, чего ты опасаясь, происходит, жить становится

намного легче. Какая-то сила таилась в этом условном бродяжничестве – дикая, забавная, привлекательная, поэтому, когда в голову проникала мысль – а не позвонить ли риэлтору, чтобы тот подобрал другой дом, она беззаботно отмахивалась от нее.

Между ней и домовладельцем шла телепатическая борьба, за которой было очень интересно наблюдать. Борьба, переходящая в такую же телепатическую симпатию. Он ведь не выгнал ее палкой, втайне забавляясь этой хрупкой иностранке, ночующей в чемодане. Олден безразлично следовал мимо, но стоило закрыть двери, и он едва ли пополам не складывался со смеху. Держал мину, а потом не мог сдержаться от хохота. Она помогала ему избавиться от собственных мрачных мыслей.

Однажды, вернувшись из паба, Адель не увидела свои вещи в беседке и грешным делом подумала, что теперь они плавают в лесном озерце, но Олден всего лишь перенес ее чемодан в дом в свою бывшую спальню. Сам он теперь спал в отцовской. А потом подошел к ней и сказал, что да, у него есть не такое глупо звучащее имя и протянул руку.

У Олдена практически не было акцента, так что Адель понимала его хорошо. В тот же вечер они оба сильно напились в Трубе, положив начало дружбе. У бармена глаза на лоб полезли, когда они заявили вместе в его пабе. Они много пили и смеялись, и он изо всех сил пытался подслушать, что может быть общего у Старика и этой иностранки. А потом

они отсели за столик, и бармен больше не мог их слышать, лишь заметив, что разговоры пошли серьезные.

Сначала Адель рассказала про свою жизнь, с которой она никак не могла сладить, потом Олден поведал о своем беззаботном детстве, прошедшем в этих краях. О том, как единственный из всех своих друзей поступил в университет, как все верили в его большое будущее, и он практически тридцать лет пытался соответствовать этим надеждам, но в итоге вернулся сюда ни с чем. У него была семья, но из-за постоянных неудач жена бросила его и забрала сына. Всё это заставило Адель задуматься, а что лучше – ничего не попробовать и остаться на бобах, или попробовать всё и прийти к тому же знаменателю? Ведь неудачный опыт приносит гораздо больше боли и сожалений, чем его отсутствие.

Так незаметно прошел целый месяц. Они много гуляли, разговаривали, смеялись и, разумеется, пили. Олден, как никто, сумел поставить голову Адель на место. Так как же вышло, что его собственная голова оказалась сейчас под столь немислимым углом?..

* * *

– Адель... – позвал приглушенный голос, услышав который, та в ужасе отпрыгнула. Сердце буквально сходило с ума в грудной клетке. – Адель, хватит озираться. Помоги мне.

Жуткое зрелище. Олден походил на куклу, умеющую го-

ворить.

– Я вызову «скорую»! – воскликнула дрожащая Адель. Ее било, словно в лихорадке.

– Никакой «скорой»! – приказал Олден. – Ни полиции, ни «скорой»! Просто переверни меня на спину.

– *Переверни?..* – повторила та, не зная, что делать, но в итоге подчинилась, потому что Олден был крайне серьезен и настойчив.

Адель бормотала себе под нос, что нужно срочно позвать помощь, что сделает только хуже, ворочая друга в таком состоянии, и постоянно извинялась за боль, которую причиняет. Но Олден не реагировал, потому что не чувствовал никакой боли.... Он сказал – не надо полиции и «скорой», значит, здесь что-то нечисто. Адель поняла это, даже не смотря на свое теперешнее шоковое состояние. Кто-то сотворил с ним это. Кто-то жутко избил его и сбросил сверху. Не воры, потому что они переворачивают всё верх дном, а несчастные гости....

Зрелище и впрямь шокировало. Если поймать паука и захлопнуть его между страницами книжки на некоторое время, будет не так ужасно. Лицо и одежда Олдена были перепачканы в крови, голова свернута, а конечности лежали на полу, словно поломанные палки. Но он не кричал, не охал и не вздрагивал, а лицо не сводило судорогой от боли. Глаза спокойно смотрели на Адель, словно всё было в порядке.

В порядке?! Какое там! Достаточно лишь посмотреть на

него. Адель едва держалась на ногах, боясь дотронуться. Она впервые в жизни была близка к обмороку, и заодно истерика подступила вплотную. Но ей даже и не снилось, что сейчас чувствовал Олден. Переломанный и по всем параметрам мертвый, но, тем не менее, всё-таки живой и не ощущающий боли. Если петуху отрубить голову, он еще некоторое время будет метаться кругами, словно оглашенный, то ли по инерции, то ли в агонии. А вдруг подобное может произойти и с человеком? Он сосредоточился на собственных ощущениях готовый тут же прекратить, если хоть на полмиллиметра почувствует боль. Подвигал пальцами рук, ног, осознав, что не парализован. Скованно, словно встречая сопротивление, но ни сколько не больно. Боль ведь это субъективное понятие – всё здесь, в голове. Может, он сильно ударился и повредил центр мозга, отвечающий за боль? Нет... что-то здесь не так. Олден чувствовал это.

– Приподними меня, я хочу сесть.

– *Сесть...* – снова повторила Адель, всхлипывая, но не смогла отказать. В конце концов, он же Старик – человек, который всё знает. – О Господи....

Словно чашку династии Сун десятого века из тончайшего рисового фарфора, она осторожно обхватила его за плечи и, не дыша, приподняла. Раздался ужасающий хруст, будто упало дерево, и Адель, взвизгнув, отскочила в сторону. Она корила себя за это, но ничего с собой поделывать не могла. Грудь разрывалась на части от жалости, ужаса и подступив-

шей рвоты. Глаза говорили, что всё очень плохо, а уши лишь подтвердили это. Но она не знала, что таким образом Олден *всего лишь* выправил свой позвоночник... Да он и сам толком этого не знал, просто согнулся пополам с этим ужасным звуком и выгнулся чуток, ставя позвонки на места, снова поражаясь отсутствию боли.

Но голова всё еще была на боку, а конечности походили на раздавленные паучьи лапки, зато движения стали чуть более свободными, после того, как Олден разобрался с позвоночником, что бы он там с ним не сделал...

– Ади, прекрати плакать. – тихо и успокаивающе попросил он. – Не раскисай, ты мне еще нужна.

– О нет... – жалобно прохныкала Адель.

– Соберись-соберись.

– Но с тобой точно... всё будет в порядке? Я слышала этот хруст....

– Хруст – это нормально. Когда кости встают на места, так оно и происходит.

– Точно?

– Точно. – как всегда со знанием дела ответил Олден.

Адель осмелилась вновь приблизиться, еле выдерживая это зрелище – вид перекособоченного тела. – Что я должна делать?

– Ади... у меня скорей всего не переломы, и я бы вправил сам, но...

– Нееет... – проныла та. – Я же не умею!

– Спокойно. – попросил Олден. – Я никогда не попрошу того, чего ты не в силах сделать. Ты мне нужна.

– Ладно-ладно... поняла. Чего ты хочешь?

– Мы начнем с правого колена. Это не будет сложно. Задери брючину так, чтобы видеть выпирающую кость.

– *Кость...* – повторила глухо Адель в полном отчаянии и опустила на корточки.

Она подчинилась, едва выдержав это зрелище – словно маленький ребенок неумело и отрывисто нарисовал ногу палочному человечку. Через кожу что-то было готово прорваться – кость, вышедшая из суставной сумки.

– Ой, мамочки....

– Хорошо. – похвалил Олден, укладываясь на спину. – Теперь потяни за голень и нажми на выпирающую кость. Всё это должно быть одновременно и быстро.

– Ты ведь хромаешь на эту ногу. – напомнила Адель, абстрагируясь на время от полученных указаний. – Мы не сделаем хуже?

– Всё будет в порядке. – спокойно ответил Олден. – Давай.

Адель шумно выдохнула, сцепив зубы. Она более-менее взяла себя в руки и аккуратно обхватила голень Олдена в самом узком месте. Другую ладонь она не без отвращения положила на выпирающую кость и замерла.

– Давай. – повторил Олден, готовясь к боли.

Адель задержала воздух и, резко дернув его за ногу, надавила на выступающий под кожей бугор, который тут же встал

на место с глухим мерзким щелчком.

Она взвизгнула и с испугом посмотрела на Олдена, но тот даже не поморщился, просто подвигал ногой, согнул, разогнул и улыбнулся. У Адель от этой улыбки побежали по спине мурашки.

– Теперь руки.

– Ладно. – крикнула та.

– Левое плечо. – сообщил Олден и перевернулся на бок. – Сядь передо мной и возьми меня за локоть одной рукой, а другой – у запястья.

Адель подчинилась, испытывая теперь даже некоторый азарт. Всё ведь получалось?.. Она втягивалась буквально на глазах. Может, ей надо было стать врачом? Хирургом-ортопедом, например? Сколько нервов она бы сэкономила, избежав мытарств, связанных с самоопределением.

Олден был одет в светлый вязанный косами кардиган, резать который Адель сочла преступлением, поэтому решила попытать счастья через кофту. Она оказалась очень мягкой на ощупь, поэтому о ножницах вопрос так и не встал.

Теперь оттяни мою руку книзу, согнув локоть под прямым углом, и прижми.

Подождав, пока Адель выполнит все указания, Олден продолжил:

– Теперь медленно поверни плечо к себе, пока внутренняя сторона не станет перпендикулярно мне.

Адель, от напряжения обливаясь потом, повторила ска-

занное и была вознаграждена щелчком, от которого сердце ее дрогнуло. И вновь Олден даже не поморщился, а просто лег на спину и сказал:

– Локоть.

– Также как и колено? – со знанием спросила она.

– Совершенно верно.

– Ты знаешь... – начала Адель, уже по-свойски перешагнув через Олдена и совершенно не раздумывая, нащупала через кофту, вышедшую из суставной сумки кость. – Всё это мне напомнило «Смерть ей к лицу». Помнишь такой фильм?

– Да. – усмехнулся Олден, кивая.

– Не ожидала, что увижу подобную картину вживую. – она потянула его за руку, как заправский ортопед, и нажала на кость до характерного звука.

– Я тоже не ждал, что окажусь на месте Мэрил... или Голди. – хмыкнул тот.

– Мэрил, Голди и Олди... Звучит, как название какой-нибудь кантри группы. – буркнула себе под нос Адель.

– Не так сложно, правда?

Адель кокетливо улыбнулась и сказала:

– Мне так нравится твоё шотландское «ррр». Зачем ты его прятал?

Подобное замечание вогнало Олдена в некоторый ступор. Ведь за всё то время, что он прожил в Канаде, его акцент был старательно низложен. Как, в общем-то, и всё, что могло напомнить о его корнях, выдать того, кем он являлся на самом

деле. Какое еще «ррр»?! О чем она говорит? Он пообещал себе последить, прислушаться... Неужели эти два месяца на родине так сильно его изменили?

– А что с шеей будем делать?

– Я сам, не волнуйся. Тебе не придется.

– Успокоил. – хмыкнула Адель. – Ну ты как?

– Порядок. Не пойму только, что с правой рукой... – он спокойно сел, погсгбав ноги в коленях и повращав стопами, а потом аккуратно стащил кофту, оставшись в одной черной футболке.

Адель чертыхнулась.

Да, простым вывихом здесь не обошлось. Всё предплечье было фиолетового цвета, а сквозь кожу торчала сломанная кость с острыми, словно средневековая корона, резцами.

– Боже! – ахнула Адель, в который раз удивляясь, почему Олдену не больно. Может, это шок какой-то?..

– Спокойно, всё будет хорошо. Просто обработаем рану, чтобы не было заражения, и наложим шину.

С этими словами Олден подкатил к себе трость и осторожно поднялся. Если бы не лебединая шея, свернутая на бок, он бы выглядел, как прежде.

– Сходи в подвал, Ади. Там среди вещей моего отца, можно подобрать что-нибудь, что послужит шиной. – он указал на перекошенную голову. – От меня всё равно мало толку. Поняла?

– Да. – ответила та, не понимая, откуда в ее друге берется

это спокойствие.

– А я принесу бинт.

Та устало кивнула и устремилась к лестнице, ведущей в подвал. Нервное напряжение потихоньку сходило, и наваливалась пустота, как это обычно происходит. Всё это было дико и жутко. Странно донельзя. Вообще-то Адель с удовольствием приняла бы за правду любой бред, лишь бы шея Олдена вернулась на место, но в больницу всё равно надо, и лучше поскорей убраться отсюда. Вдруг вернутся те, кто сделал это с Олденем? На воров не похоже, скорей всего люди какого-нибудь ростовщика. Адель пообещала себе подумать над этим вопросом чуть позже, а сейчас надо бы сконцентрироваться на другом.

Она уже бывала в этом подвале, в основном, чтобы взять бутылочку виски или вина с большого дубового стеллажа, покрытого морилкой, но она никогда не касалась вещей отца Олдена. Это было под негласным запретом, что ли. Словно алтарь забытого всеми языческого Бога, которому поклоняется и служит последний и самый верный адепт. В тот единственный раз, когда Олден показывал дом и спускался сюда с Адель, она увидела слезы, стоявшие в его глазах. Поначалу в это не хотелось верить, всё-таки Старик не похож на плаксу, но слезы душевной боли нельзя сдержат, внутри всё сжимается, и ком неподъемного веса подкатывает к горлу. Мы всегда знаем об истинном положении вещей, просто иногда обманываем себя, убеждая, что всё в порядке. Так поступи-

ла и Адель, решив не лезть в душу, да и правильно, ведь Олден не стал бы рассказывать об отце. Одно ясно – тот умер, а боль осталась навсегда.

Отцовские вещи, словно музейные экспонаты, были расставлены именно так, как и при его жизни, и, несмотря на то, что дом изредка, но всё же сдавался, до них и рукой никто не коснулся, потому что подвал оставался под замком. Таково было правило Олдена.

Здесь стоял рабочий стол, а позади – стеллаж, плотно заставленный коробками с инструментами, гвоздями всех мастей, болтами и винтиками, обломками от не-пойми-чего и различными деталями, банками с лаком и красками, а также кольцами разноцветного скотча. Адель бы, не задумываясь, выбросила добрую половину того, что стояло на стеллаже, но хороший хозяин знает, что даже такая невинная хрень, как обломок декоративного садового заборчика, коим обычно огораживают цветочные клумбы, может выручить из довольно затруднительного положения. Адель нашла целый мешок таких сегментов, плоских стальных шириной где-то в два с половиной дюйма и длиной под восемь. Может, чуть меньше. Какая удача! Спасибо папе Олдена, который помогал сыну словно с того света. И за изолену тоже, кстати сказать.

Победоносно вернувшись в гостиную, Адель застала своего друга за разрезанием черной рубашки на лоскуты. Он умылся, и теперь выглядел не так ужасающе, если не считать лебединую шею и его сломанную лучезапястную кость, ко-

торая, кстати сказать, больше не торчала, а кожа вокруг рваной раны не была обагрена запекшейся кровью. Но Адель не хотела знать, как Олдену удалось добиться подобного результата....

– Не нашел бинты. – сообщил Олден, а потом глянул на скотч, который Адель держала в руке, и оценивающе кивнул. – То, что надо. Молодец.

Она смущенно улыбнулась, а потом залезла в мешок и показала ему обломок декоративного заборчика, и Олден восторженно хлопнул в ладоши, потревожив торчащую лучевую кость и подпортив тем самым момент триумфа Адель.

– А там найдется еще один такой?

Та подвигала бровями и тряхнула мешком, демонстрируя количество.

– Отлично, Ади! – он сел на диван, положив два лоскута на подлокотник параллельно друг другу. – Давай сюда один обломок.

Та подчинилась, с ужасом глядя, как Олден кладет свою фиолетовую руку сверху, словно саблю в ножны.

– Теперь другой и начинай завязывать. Только потуже, поняла?

– Поняла. – та закусила губу. – Но тебе не будет больно?

– Богом клянусь, нет. – немного удивленно пообещал Олден.

Очень осторожно она накрыла его предплечье вторым сегментом декоративного заборчика, и Олден придавил его с

силой своей рукой, избавив от этого Адель.

– Вяжи.

– Угу... – буркнула та и затянула первый лоскут, сцепив зубы.

– Туже.

Адель недовольно раздула ноздри, но беспрекословно подчинилась. Затем на второй узел и контрольный третий. Как только с лоскутами было покончено, она взяла изоленту и, чувствуя себя героиней боевика, залепила им предплечье Олдена в три слоя.

– Ну как? – с сомнением спросила Адель, и тот демонстративно пошевелил пальцами.

– Лучше не бывает. А теперь позволь, я верну свою голову на место. Можешь отвернуться, если хочешь.

Та, было, уже собралась как-то среагировать и уж точно последовать совету, но Олден действовал слишком стремительно. Он взял себя одной рукой за подбородок, а второй – за макушку и с адским хрустом повернул. Адель взвизгнула, запоздало отвернувшись и зажав уши. Теперь этот звук обещал ей сниться всю жизнь.

Адель с укором глянула на Олдена – *на прежнего Олдена* – и недавняя картинка, где он лежал на полу раздавленным пауком, встала перед глазами. Люди часто верят в то, что хотят. Почти всегда.... Она не была дурой, далеко нет, и свернутую шею Олдена из контекста не выкинешь. Можно ли выжить после такого? Вряд ли. И если называть вещи сво-

ими именами, то он был мертв, а теперь жив. И врачи скорой помощи, если бы приехали сюда, пришли бы к точно таким же выводам. Со сломанными шеями и прочими травмами, что были у Старика, не то, что не ходят, а не живут. И еще неизвестно, сколько Олден пролежал здесь звездой... Адель была безмерно счастлива видеть его в визуальном здравии, но всё-таки глупостью не отличалась и в желаемое не верила... Впрочем, как и сам Олден.

– Боюсь, что здесь опасно оставаться. – сообщил он, подходя к Адель. – И тебе лучше подыскать другое жилье.

– Не знаю... – отмахнулась та. – Я и так пробыла здесь месяц. Деньги пока есть, но скоро закончатся, да и без тебя мне будет скучновато. А у тебя какие планы?

– Возвращаюсь в Канаду... сегодня.

– Ясно. – кивнула Адель задумчиво. – Надо узнать рейсы.

– Я сделаю.

Радиотелефон Олдена всегда валялся в прихожей в стеклянной фруктовой вазе синего цвета среди многочисленных ключей, старых брелоков, визиток, карамелек прошлого десятилетия и прочего забытого хлама.

– Кто это сделал? – внезапно спросила Адель, когда тот выходил из гостиной.

Олден замер и развернулся. Он был совершенно не готов к этому вопросу сейчас, даже не продумал. Ему не нравилось врать Адель, но он не умел по-другому. Таким уж стал.

– Я задолжал денег этим ребятам.

– Тогда зачем возвращаться в Канаду? Может, тебя там встретят еще два десятка? – подозрительно спросила Адель.

– Нет-нет, они местные. – твердо ответил Олден.

– А что в Канаде нет ростовщиков?

– Почему же? Просто здесь у меня связи. – спокойно пояснил тот.

– Которые вышли тебе боком....

Давненько Олден не был так близко к потере самообладания. Без эмоций внешне, но внутри не на жизнь, а на смерть сражались два его Альтер эго: шпанистый юноша подвижный и полный жизни, но слегка угрюмый и человек-оболочка, фальшивая маска с застывшей улыбкой, герой фильма, который точно знает, чего хочет и как этого достичь.

Адель неопределенно кивнула и пошла наверх собирать вещи, будучи теперь абсолютно уверенной, что ребята, избившие Олдена до полусмерти – *полу ли?* – не имели отношения ни к каким ростовщикам. Выдало то, как он замер прежде, чем ответить. И еще взгляд. Весь вопрос, зачем врать?..

Адель была любопытной, и она действительно могла стать хорошим писателем, но как сказал бы Шляпник, булатности в ней не хватало, чтобы прогрызть себе путь, расталкивать соперников и выпрашивать. Хотя в булатности ли дело? Стать тем, кого презираешь – это называется иначе. А может, просто не складывалось.... Подобная двойственность убивала ее, разрушала мозг. Привела в этот край к Олдену, кото-

рый имел уйму секретов, как оказалось. И вообще, а сколько, собственно, правды о своем прошлом он поведал? Многовато несоответствий между заурядной жизнью неудачника и прорывающейся наружу сложной и какой-то расколотой личностью.

Есть два типа людей, потерявших всё. Одни уходят в себя, превращаясь в мрачных, вечно угрюмых, затравленных комплексом вины чужаков, а другие, напротив, затыкают в себе боль, облачаясь в выдуманную личность, словно в одежду. Они могут быть даже весельчаками, но рано или поздно боль находит брешь сквозь наслоение личностей и вакуумов между ними, и вот тогда взрыва не избежать. И чем больше осело, чем больше человек носит на себе, тем разрушительней сила этого взрыва. Жаль, что иногда с нами происходит то, чего мы не в силах вынести, превращаясь в тени, в объедки случая. Жаль. Что тут еще скажешь? Было в Олдене нечто подобное, едва уловимое, но не дающее покоя интуиции Адель.

Стаскивая вниз чемодан, она с улыбкой вспомнила, как ночевала в нем, и как Олден сжалился над ней, впустив в дом. Он спросил тогда о целях приезда Адель в Звенящий лес, и та ответила – *чтобы подумать над своей жизнью. Не думай.* – сказал тогда он. – *Живи.* Забавно вспоминать такое. И еще трепетно. Всё-таки они здорово проводили здесь время за разговорами и скотчем. То, что казалось важным, растворялось, сдавало свои позиции, превращаясь в сновид-

дения, погребенные в присыпанных пеплом днях. Словно они застряли на необитаемом острове, и больше ничего не существовало. Кто захочет с этим расстаться? С безвременьем? Разве не так описывают рай или посмертие? Не нужно торопиться или думать о деньгах, о том, что ты попросту окончишь свои дни под мостом. Не нужно больше бояться рака или еще какой-нибудь смертельной болезни; детей рожать из-за того, кем они могут стать или не стать в будущем; остаться одной-одинёшенькой, не сложившейся и ненормальной. Здесь в Звенящем лесу всё было очень просто, и Адель поняла суть всех своих проблем. Та жизнь, которую она считала нормальной, была невозможна не по ее вине. *Ведь, чтобы попасть в рай, надо сначала умереть.* Почему об этом вечно все забывают? Или просто в толк не возьмут, почему не могут иметь всё, что захотят?

Жаль было уезжать отсюда. Жаль, что хорошее время подошло к концу. В любом случае так нельзя прожить всю жизнь. Всё заканчивается, просто Адель рассчитывала задержаться. Может, еще на месяц, может, больше... пока безвременье улыбалось в своем радушии.

– Всё хорошо? – спросила Адель, стащив наконец чемодан, половину вещей из которого она так и не надела из-за полного несоответствия с погодой.

Она сменила спортивный костюм, в котором бегала по утрам, на узкие черные джинсы и серую, на вид сильно поношенную футболку с женщиной-кошкой. Маленькая черная

сумочка с серебристой табличкой – незаменимая вещь в дороге – висела через плечо. Свободной рукой она небрежно держала светлый тренч.

– Да. – ответил Олден. – Рейс на 11:55 с пересадкой в Лондоне. Там придется посидеть пару часов.

– Я не об этом, хотя долго, конечно... – Адель смерила его оценивающим взглядом и присвистнула.

Такого Олдена она еще не знала. Дорогущий костюм с иголочки, золотые запонки, начищенные до блеска ботинки и – да, теперь трость была абсолютно к месту. Потрясающий аксессуар, навевающий совершенно фантастические обстоятельства получения травмы, приведшей к хромоте. Может быть, охота на львов? Интересно, при каких обстоятельствах Олден получил ее? Они ведь это не обсуждали....

– Нравится? – кокетливо улыбнулся тот.

– Ты даже не представляешь как! – восхитилась Адель. – А во сколько твой рейс?

– Мы летим вместе. – улыбнулся тот. – Прямых рейсов до Ванкувера нет, так что я сделаю пересадку в Нью-Йорке.

– Здорово! – оживилась Адель. – Признаться, я ненавижу летать.

– Боишься?

– Безумно! Я не понимаю, как эти штуки держаться в воздухе. Для меня самолет, как для язычников из диких племен, железная механическая птица.

Олден хохотнул.

– Тем лучше.

– Что лучше? – не поняла Адель, улыбаясь.

– Скоро приедет такси.

Она взглянула на часы – было девять.... Должны успеть.

– Впереди достаточно времени, чтобы вылечить твои страхи. – заметил тот беспечно.

На лице Адель отразилось недоумение, которое вскоре сменилось пониманием, и небрежная самодовольная ухмылка засияла, как начищенный чайник.

– Так я схожу за лекарством?

– Сходи, дорогая. – заговорщически подмигнул Олден. –

И ничего не бойся.

Но когда Адель скрылась из виду, улыбка сползла с его лица. Он боязливо подошел к зеркалу и заглянул в него. Вроде бы старый друг смотрел на него сейчас через отражение – Лиланд одетый в идеальный костюм и дорогие ботинки. Вершитель судеб. Новоиспеченный Бог. Но что-то прорывалось изнутри, прорастало. Может, корни?.. Олден менялся. Маска Лиланда никак не хотела возвращаться на прежнее место. Маска непоколебимости с налетом иронии, возможно даже, горькой. Та, что так привлекла Джулс. Словно сняв ее однажды, он нарушил некий обет верности, и теперь возврата нет. Глядя на себя в зеркало, Олден видел глубокие свежие следы себя давнишнего – живого и настоящего. Того, кто вырос в Звнящем лесу, не зная забот. Того, кто был счастлив и так стремился открыть для себя мир. Того, чье

сердце не гнулось. Олден видел свою сердцевину, слышал, как она пробивается сквозь толщи фальши, привнося изменения, затронувшие каждый его участок. Оставалось лишь разобраться в причинах этой личностной перестройки и понять, чем она ему грозит.

– Сильны любовь и слава смертных дней... – строчки стихотворения Китса² внезапно всплыли в памяти. – И красота сильна. Но смерть сильнее.

– Что? – глухо крикнула Адель снизу.

– Возьми две, говорю! – отозвался тот, пытаясь унять дрожь.

В такие моменты говорят, мол, кто-то прошелся по твоей могиле. Звучит зловеще. Отец Олдена обожал Китса, передав эту любовь и сыну, но это стихотворение всегда вызывало противоречивые чувства, пугало, казалось тяжелым и безумным. *Чему смеялся я сейчас во сне...* Даже в названии крылась червоточина, но отец постоянно цитировал его – к месту и не очень. Пожалуй, это было единственным, в чем их мнения резко расходились. Лиланд Макнелли частенько повторял Олдену, что есть масса всего, до чего тот еще не дорос, и там где-то в будущем он, несомненно, оценит красоту множества вещей. *Жди откровений!* – говорил отец, и, конечно, во многом оказался прав, но... только не в этом случае. Он так и не дорос, так что не все истины истинны.

² Китс, Джон (1795–1821) – самый молодой из крупнейших английских поэтов эпохи романтизма.

Покрывшийся гусиной кожей Олден являл собой прямое тому доказательство. Ладонь на несколько мгновений скрылась из виду, нащупав что-то во внутреннем кармане пиджака.... Эти слова – они ведь всё, что осталось. Сколько лет Олден пытался разгадать их словно шифр, словно секретный код, не находя ответа. Давненько он не подпускал к себе эти воспоминания так близко, весь этот ужас. Он был практически уверен, что сможет держать их под контролем вплоть до самой смерти. Так что же происходило сейчас? Что рушило его жизненные установки, его непоколебимые табу? Что за кризис?

А где-то внизу звякнули бутылки, строптиво притиревшись в неловком объятии, и топот Адель послышался на лестнице. Она размышляла над тем же вопросом, и сердце ее было преисполнено самых безрадостных ожиданий.

МЕРТВЕЦЫ

Все трое выглядели довольно по-дурацки. Словно затянувшаяся мизансцена полная нелепости, фантазмагии и черного юмора. Марта с отъехавшей челюстью, Эрик, выкашивший глаза, и бледная, как призрак, Джулиана с пистолетом в ослабевших руках и дырой в черепе.

– Тебе срочно надо в больницу. – сдавленно сказала Марта, наконец выходя из кататонического ступора.

– Я не хочу. – блекло ответила та.

Одна только мысль о больнице приводила ее в ужас. Учинят допрос, залезут в душу и в итоге поставят на учет. Хотя, какой там учет!?! Упекут в психушку, и дело с концом.

– Но Джоанна, ты... ранена.

– Джулиана! – резко поправила та.

– Ладно-ладно, прости! – поспешил вмешаться Эрик, но его даже не удостоили взглядом.

– А вот пистолет лучше убрать... – осторожно намекнула Марта.

Плохо соображающая сейчас Джульс озадаченно перевела взгляд на зажатое в руках оружие, словно видела его впервые. В этот момент, когда она наклонила голову вниз, из отверстия во лбу вылилась добрая порция густой темной крови. Марта охнула и закрыла рот рукой, а Эрик отшатнулся.

– Я... – начала, было, Джулиана, ошалело уставившись на

руки, испачканные кровью.

Она попыталась затолкать ее обратно, чем привела Марту с Эриком в полный ужас. Как будто всё в порядке, всё под контролем, но сделала только хуже. Теперь кровь стекала по ее лбу и щекам прямоком на черную бесформенную футболку с красной надписью Нью-Йорк Ред Буллз.

– Тебе надо в больницу! – взмолилась Марта.

– Но я... не понимаю. – безумно таращась, сообщила Джулс.

– Господи! Да посмотри же на себя!

Марта вышла из оцепенения и, схватив девушку за локоть, вломилась в квартиру и потащила ту к зеркалу. Она испытывала чувство брезгливости ко всей этой крови, но и странный подъем на подсознательном уровне. Мол, приключение только началось, не упусти его.

Однокомнатная квартира Джулианы была практически без мебели, темная, пустая и угрюмая. Только кровать спартанского вида, пустой шкаф и письменный стол со странного вида черным цветком похожим на медузу. Вот и всё. Так и не распакованная сумка с вещами одиноко стояла у кровати. Ни о каких зеркалах и речи не шло. *Может быть в ванной?* – подумала Марта и оказалась права.

Маленькое замызганное квадратное зеркало находилось над треснувшей раковиной, на которой валялись обмылок, съеденный наполовину Колгейт и щетка печального образа. На дверной ручке висело махровое полотенце синего цвета,

такое же красное было перекинуто через стенку душевой кабины. Над пожелтевшим от старости шкафчиком тоскливо стоял унитаз с лопнувшем мягким сиденьем.

Эрик осуждающе огляделся и покачал головой, и Марта увидевшая это в отражении, была всецело на его стороне.

– О Боже... – прошептала Джулиана, в ужасе таращась на себя в зеркало. Она оказалась на грани истерики. Зрелище выдалось кошмарное.

Входное отверстие над правой бровью было правильной круглой формы, как и выходное на затылке.... И если внимательно присмотреться, то можно увидеть внутри этой раны нечто отвратительно белесое. А лицо.... Вся его правая сторона была залита кровью, навевая ассоциации с графиней Батери.

– Пусть она перестанет! – истерично воскликнула Джулс и захлопнула отверстие ладонью.

– Так, во-первых, отдай мне это. – опасливо попросила Марта и вытащила пистолет из ослабевшей руки девушки, словно нож из подтаявшего масла. – Во-вторых, мы сейчас поедем в больницу.

– А что я скажу??? – срывающимся голосом крикнула та, и слезы немоги наполнили глаза.

– Скажешь, что чистила пистолет или перекладывала на другое место – так все говорят. Ты даже не поняла, как это случилось. Он просто выстрелил, вот и всё. Может, сама нажала по неосторожности, может, нет. Всякое бывает. – убе-

дительно сочиняла Марта.

– Ладно-ладно! – сбивчиво заголосила Джулиана. – Но как я такая покажусь на улице?! Помоги мне! Я никуда не пойду в таком виде!

Марта с шумом выдохнула и отчаянно глянула на Эрика в отражение, тот обдумывал что-то напряженно.

– Бинт? – предположил он, пожав плечами.

– Бинт есть? – спросила Марта.

Вместо ответа Джулиана открыла дверцу шкафчика, где, видимо, хранилось всё, что у нее было. Жидкий пластырь с антисептиком, пачка анальгетика, упаковка прокладок, ватные диски и аж три баночки доксемина. Марта даже на секунду позабыла о том, что ищет. Болезненные воспоминания тут же всплыли перед глазами. Она и сама принимала доксепин из-за Эрика, когда тот угодил в больницу. Много же она скушала его тогда.... Тяжеленькое, надо сказать средство с кучей побочных эффектов, включая даже галлюцинации.

– Бинта нет. – сообщила Марта, глядя на Эрика через зеркало.

– Значит, надо найти ему замену. – ответил тот, прислонившись головой об косяк.

– Может, лента для волос сойдет? – спросила Джулс.

– Что за лента?

– Красная эластичная. В столе на нижней полке.

– Сейчас. – бросила Марта и выскочила из ванной, утащив за собой Эрика.

Оставшись одна, Джулиана включила воду и принялась осторожно умывать лицо трясущимися руками. Она просто не могла смотреть на себя такую.

– У нее в шкафчике три банки доксепина! – прошипела Марта в ухо Эрику, зависнув над стойкой.

– Что?! – прошептал тот изумленно. – Это же антидепрессант, который ты пила.

– Непросто антидепрессант, а сильнейшее психотропное! – округлила глаза Марта.

Она обожала акценты, когда дело касалось того, в чем она разбиралась.

– Тогда я не понимаю...

– Чего?

– Почему она не воспользовалась *этим*, чтобы убить себя? Марта задумалась.

– Кому что нравится, наверное. Да и потом, может, она не планировала? Может, и вправду чистила пистолет или перекладывала и случайно не там схватилась?

– О, прекрати! – шикнул Эрик. – Это ясно как божий день! Девчонка хотела покончить с собой.

– И с чего же тебе это ясно? – возмутилась Марта, открыв нижний ящик.

– Господи, неужели ты не видела, как она держала пистолет?

Без особой радости, но Марта спасовала перед этим аргументом, полностью сконцентрировавшись на красной ленте.

Она была шириной чуть больше двух дюймов, эластичная, как и сказала Джулс, из-тех, что носят на манер ободков или убирают волосы, чтобы те не мешали.

– Как ты думаешь, из-за чего она это сделала? – вдруг спросила Марта, с грустью вспомнив, как близко человек может находиться к этому шагу. Как близко и она сама была к нему когда-то. – Из-за любви?

– Вот об этом лучше не думай.

Она взяла в руки красную ленту, с невероятным облегчением положив на ее место пистолет, и пожала плечами.

– А это еще что за чудовище?.. – ее взгляд остановился на такке.

– Цветок какой-то. – улыбаясь, предположил Эрик и неуверенно добавил. – Красивый...

Было забавно наблюдать, сколь стремительно менялось ее настроение и переключалось внимание.

– Да что ты?! А по мне, так ужас какой-то... – поморщилась Марта.

К тому времени, когда они с Эриком вернулись в ванную, Джулиана практически смыла всю кровь с лица и теперь *подтыкала* отверстие во лбу синим полотенцем во избежание новой порции.

– Я промыла рану. – уже более собранно сообщила та.

– Молодец. – выдохнула Марта и достала флакон с жидким пластырем. – Так... ладно.

И кто вообще изобрел эту штуку? Скорей антисептик с ка-

кой-то подозрительной пленкой, нежели полноценный пластырь. Для мелких ссадин у детей прекрасное средство, но подойдет ли оно для дыры в черепе? Вот вопрос. *Хорошо, что у нее черные волосы, хоть крови не видно.* – подумала Марта, подводя баллончик, но цвет не сотворил чуда, потому что разобрав волосы на затылке, чтобы найти отверстие, она вся перемазалась. Это, конечно, коробило – вдруг девочка больна чем-нибудь?.. Ну да Бог с ним, хороший поступок должен быть таковым во всем. Однако не стоит забывать, что именно добрыми делами вымощена дорога в ад.

Обнаружив рану, Марта заметила нечто белесое где-то там внутри и едва не сдалась, глотая подступившую слюну, но рука Эрика легла ей на плечо, и тошнота тут же отпустила. Умел он подоспеть вовремя. Дар, которого не отнять, как для спасителя, так и для спасенного. Ну как без такого жить?

– Сейчас будет больно. – сообщила Марта, поднеся баллончик ближе и неуверенно пшикнула. – Ну как?

– Не больно. – удивленно ответила Джулс.

– Ладно... – подозрительно заметила та и выпустила щедрую струю жидкого пластыря.

– Этого мало. – сказал из-за спины Эрик. – Лей больше.

И тогда Марта опустошила половину баллончика. Теперь рана в затылке напоминала паучью нору, которая через минуту была зашпаклёвана и с фасада. Следом она натянула резинку для волос, действительно плотно прилегающую к голове, и подложила под нее по ватному диску. Джулиана по-

ходила на ниндзя или самурая. Да хоть на слона циркового, лишь бы во лбу не зияла дыра!

– Теперь можно ехать. – поторопила Марта.

– Сейчас.

Побаиваясь лишний раз двигать головой, Джулиана прошла в свою кельеобразную комнату и взяла в руки горшок с таккой. Марта скривилась и глянула на Эрика, но тот жестом призвал ее к терпимости.

– Ты собираешься взять с собой... цветок?

– Да, я собираюсь взять с собой цветок. – отчеканила та, а потом наткнулась взглядом на что-то блеснувшее на полу.

Патрон.... Липкий ком подкатил к горлу. Джулиана поставила на пол такку и подняла его. Убить себя не было спонтанным решением, поэтому неприязни к себе не ощущалось, впрочем, как и желания повторить попытку. Тем более, раз уж так вышло.... Раз пуля не убила ее. И, тем не менее, внутри всё равно было гадко.

Джулиана сжала своего несостоявшегося убийцу в кулаке и убрала в карман домашних штанов. Прямо за ней на стене, оклеенной старыми тоскливыми обоями, зияла отметина от этой самой пули. Поддавшись порыву, она протянула к ней ладонь и накрыла, словно желая стереть.

– Джулиана?! – позвала Марта нетерпеливо. – Может, пойдём?

Та глянула на нее отстраненным взглядом лунатика, только что пришедшего в сознание и пока ещё не понимающего,

где находится, и моргнула.

– Ладно. – сказала Джулс, обняла свою такку и вышла из квартиры.

* * *

Перед тем, как Брендон повернул к ней голову и сказал: «Извини», Агнес была глубоко погружена в раздумья. Ей стукнуло тридцать три, а для работницы ее сферы деятельности, это, пожалуй, пенсионный возраст. Многие девочки из их клуба цепляли богатых кавалеров, тем самым обеспечивая себе безбедное и, как казалось, ясное, как день, будущее. Внешне всегда так кажется. Внешность обманчива в восьмидесяти процентах.... Агнес понимала это, поэтому никогда не продавалась, хоть и выбрала довольно шаткое поприще. За все годы, что она вертелась у шеста, повидала многих девочек, которые придерживались ее философии, но в итоге всего лишь ждали свою цену. Агнес была не такой, она просто делала то, что хотела. То, что развлекало ее и не стоило особых усилий. Блистательная блондинка с нетривиальной внешностью она всегда жила четко по правилу, что выбирает сама. В ней жил Бог свободы. Великий и могучий, не требующий, вроде, никаких жертвоприношений. Но это лишь на первый взгляд, потому что каждый Бог требует жертв – так уж среди них заведено. Ее мать была такой же – любила делать то, что хотела, не считаясь с мнением окружающих, а

любые запреты воспринимала, как попираание ее личной свободы. И однажды за ужином после очередного загула её муж и отец Агнес сказал, что подобная свобода слишком дорого обходится их семье. Она причиняет им боль. Быть частью семьи это уже несвобода, потому что во многом приходится себя ограничивать и думать не только о себе. Он сказал, что она может снять квартиру и пожить там с месяц, вкусив того, о чем так грезит, а потом взвесить, что для нее по-настоящему важно и дорого – любящая семья или распущенность, которую она называет иначе. Агнес было шесть, когда она осталась без матери....

Обычно дети, столкнувшиеся с трагедией подобного рода, зарекаются повторять ошибки родителей, но всё, что смогла позволить себе Агнес – так это обезопасить от себя других, чем обрекла себя, по сути, на одиночество. А может быть, она просто хотела понять, что такого в этой свободе, что заставило ее родную мать отказаться от своей родной семьи?! Ведь рано или поздно, хотя скорей всего именно поздно, ты все равно остаешься ни с чем, как сейчас Агнес, которая в свои тридцать три поняла, что совершенно не знает, что делать дальше. Время, когда она могла позволить себе жить, как заблагорассудится, заканчивалось. Столкнулась ли ее мать с тем же? Конечно, столкнулась.

Агнес всегда хотела заниматься тем, что нравится, а из всех дел на свете она любила только танцевать. Но при условии, что ее любимое дело никогда не превратится в рутину.

ну, да и чрезмерных усилий не потребует. Всё ведь должно приносить удовольствие, разве нет? Никаких там мозолей, стертых в кровь стоп, пота градом и грошей за все эти жертвы. Стриптиз приносил хорошие деньги, а также удовлетворял всем прочим требованиям. Ну почти... Всё-таки женский коллектив вытягивает много нервов, и, чтобы в нем выжить, нужно быть либо конченной стервой, либо по-настоящему толстокожей. Агнес не славилась ни тем, ни другим, она просто ни во что не влезала.

Когда-то она даже была звездой, но за последние пять лет стала чувствовать этот контраст между собой и молодыми танцовщицами. В клубе имелись девочки и постарше, но остальные посмеивались над ними, как за спинами, так и в лицо. Агнес почувствовала, как плавно перекочевала из стана молодой гвардии к тем, на кого тычут пальцами, гадко ухмыляясь. Момент уйти настал, но вот только куда?.. С таким-то резюме. В официантки или продавщицы? А может, открыть танцевальные курсы для домохозяек, чтобы те могли раздражить жалкий огонек иллюзорных семейных отношений? А тут еще этот раздолбай младше на целых двенадцать лет! Как тут не свихнуться на почве возраста?.. Столько денег уходило у Агнес на салоны красоты, спортивные клубы и спа курорты, что можно было бы уже давно на них запустить свой бизнес. Брендон совершенно искренне не понимал, зачем она всё это с собой делает. А этот устрашающий пинцет, который она практически не выпускала из рук,

то и дело находя и выдирая седой волос – казался опасным оружием.

Любой психолог скажет, что объяснение этому кроется в прошлых романтических связях и окажется прав. Унижение, боль, несоответствие заявленным идеалам, отверженность. Только первая любовь может нанести подобный удар. Первая безответная любовь. Но Агнес бы никогда и ни за что не призналась бы, что у нее имелась подобная травма, потому что придумала совсем другую историю. Не призналась бы ни себе и никому в том, что когда-то была влюблена и отвергнута. Что изо всех сил хотела стать другой, непохожей на мать, иметь семью и любить кого-то одного. И что вся ее философия не стоит и ломаного гроша, а то, что она привыкла считать болезнью, передавшейся ей от матери – не более чем защитная реакция. Она могла быть другой, но на нашем пути всегда встречается один убийца, чтобы всадить нож в спину. Кто-то оправляется после этого, а кто-то только думает, что оправился. Но в любом случае этот нож не вытащить, и каждый носит его промеж лопаток до самой смерти.

Агнес предпочитала ребят помоложе. Точней стала предпочитать, если уж на то пошло. Они тоже казались ей проявлением ее свободы. И за годы работы в этом баре она сменила троих – не густо для стриптизерши, но Агнес же не была заурядной. Она лишь танцевала. Любой психолог скажет, что это проявление страха перед жизнью, потому что человек, который так и не смог залечить старые раны, больше всего на

свете боится новых. Агнес совершенно не хотела вырастать, и вся ее жизнь лишь напоминала отговорку от этого процесса.

Первого звали Саймон, и он был на семь лет моложе – тот еще шутник. С ним жизнь казалась беззаботной и веселой, снимала все рамки, потому что смеяться дозволялось абсолютно над всем. Он превращал в анекдот любые горести, и плохое тут же забывалось, и когда они расходились, тоже помирили со смеху. А что с таким еще делать? Агнес бы удивилась, узнав, что Саймон женился и завел двоих детей. Он может схохмить и сейчас, но вообще – довольно серьезный человек. Просто с ней – с Агнес – он мог только смеяться... И больше ничего. А что с такой еще делать?

Второго звали Марк – младше на десять лет – и он совершенно не умел шутить, но был так хорош собой, что это с лихвой компенсировало все недостатки. Правильный и честолюбивый он грезил о величии, но Агнес не обращала внимания на всю эту чушь, видя только его дьявольскую красоту. Но всё приедается, и в какой-то момент она перестала считать его красивым, ведь это оказалось его единственным преимуществом. Ей было бы очень странно узнать, что оставшись без нее, Марк перестал просто грезить и наконец занялся делом, получив приличную должность, еще будучи студентом.

Ну и третий – Брендон, в котором сочетались и душевная простота, и хорошее чувство юмора, и красота. Немного бес-

шабашный, но, возможно, это даже к лучшему, ведь рядом с ним Агнес волей-не волей становилась взрослей. И он был первым, кто заставил ее задуматься о том, что пора менять свою жизнь, уйти из этого гадюшника и начать всё заново. Потому что любил ее. Он довольно успешно работал моделью, но это ничуть не портило его. Брендон просто жил, от всей души радуясь тому, что имеет сегодня, и с восторгом ожидая новый день. Его профессия также не отличалась постоянством, но меньше всего Брендона волновало, что с ним будет в тридцать три. Его волновала только Агнес. Это виделось ей таким незрелым и глупым, ведь для него она желала самого лучшего – не такого, как в ее случае.

Но ее жизнь оказалась проще, намного проще. Потому что, по сути, ничего не пришлось решать. Выбор был сделан кем-то другим, а концовка предопределена.

Утопая в собственных размышлениях, Агнес даже не поняла, что произошло. Они поворачивали на желтый – за Брендоним имелся такой грешок, а Бобби Уинтон³ заунывно тянул: «Синий бархат». Агнес любила старые песни, но эта почему-то всегда пугала. Теперь причина стала ясна – она была о смерти. Каждый ведь видит ее по-своему. Слышит ее дыхание.

А потом Брендон повернулся к ней и просто сказал:
– Извини.

³ Бобби Винтон (род. 16 апреля 1935 г.) – американский эстрадный певец польского происхождения.

Марте не нравилась Джулиана, что было взаимно. Эта ее отстраненность, нетерпимость и агрессия. Не подойти, не подъехать ни с какой стороны, словно к кактусу, потому что тут же следовала незамедлительная реакция. Или к розе, какого-нибудь удивительно цвета, ведь Джулиана обладала красотой к неудовольствию Марты. Обычно так ведут себя подростки в сложный период, но она, вроде, уже должна выйти из этого возраста? Видимо, что-то ее держало там позади и довольно цепко. Казалось, она вообще не жила реально – из тех, кто постоянно идеализирует образ и никогда не заходит слишком далеко, чтобы не разочароваться.

А еще девчонка села вперед, не спросясь, из-за чего Эрику пришлось сидеть сзади. Но истинная причина неприятия крылась в том, что в Джулиане Марта узнавала себя, своё презируемое сейчас прошлое. Да они как две капли походили друг на друга – Марта тоже когда-то в юности носила образ эксцентричного, непонятого и непризнанного всеми художника с омутом внутреннего мира немислимой глубины полным коварных сирен. Такие привлекают к себе массу внимания своим видом, неординарностью, увлечениями. Главное чтоб всё было неординарно. Но когда Марта изменилась, войдя в следующий период своей жизни, то возненавидела себя прошлую, хотя там пряталась она настоящая,

и здесь нечего стыдиться. Ее бесили такие, как Джулиана – необычные и замороченные, и она всем своим видом показывала, что не из их числа. Много ли чести в том, чтобы презирать свое прошлое? К чему это может привести?

А Джулс тем временем думала, куда этой приземленной пигалице понять ее невысказанную заплутавшую душу. Забавно наблюдать за теми, кто недооценивает других людей. Такие все из себя чванные, заикленные лишь на собственных переживаниях.... Для них другие мусор. Они даже мысли в голове не держат, что кто-то не им под стать может знать куда больше, разбираться лучше, оказаться духовно богаче, интересней и привлекательней для остальных. Как многого мы себя лишаем, поворачиваясь спиной к людям! Бриллиантов мало, но они, определенно, встречаются. Кто-то их находит, а кто-то довольствуется стекляшками. По-дурацки всё это....

Марта никогда не отличалась толерантным поведением. Вот Эрик – да. Он всю жизнь вел себя одинаково правильно в отличие от подруги, чья личность претерпела массу изменений, словно резиновая. И могла запросто трансформироваться во что-нибудь еще, хотя резина истончается со временем – личность истончается – и может порваться....

В воскресное утро дороги, как обычно, пустовали, так что до больницы они доехали менее чем за двадцать минут. Казалось бы, короткий срок... но они едва не переругались все и по окончании поездки уже люто ненавидели друг друга.

Сначала Джулиана настаивала на другой дороге, потом пыталась критиковать манеру вождения Марты, что абсолютно недозволительно и карается незамедлительной смертью, в итоге повисла давящая тишина. Та едва сдерживалась, чтобы не выкинуть Джулиану из машины, а Эрик сидел молча, пялясь в окно и, казалось, вообще ничего не замечал. Джулс мало разговаривала, но ее мысли телепатически передавались Марте, чем бесили еще больше. Уж лучше бы она подавала голос – легче дать отпор... Из этого мог быть только один выход – их скорейший приезд в больницу и долгожданное расставание, но случилось иначе.

Они уже подъезжали, оставалось только проехать перекресток. Замигал желтый, как вдруг на полной скорости за стоп-линию вылетел спортивный БМВ М3 Кабрио синего цвета, пытаясь вписаться в поворот. Душераздирающе завизжали тормоза, машину выбросило на бордюр, и она со всей силы врезалась в больничный забор, прогнув его дугой.

Уже давно зажегся зеленый, но ни один автомобиль не двинулся с места. Все смотрели, пооткрывав рты. Те немногие пешеходы, бросившиеся секунду назад в рассыпную, осторожно подходили к БМВ, словно зомби. Кто-то полез за телефоном, чтобы поснимать на камеру – всегда найдутся такие. Водители бросали свои авто, не волнуясь, что это может доставить кому-то неудобства. И правда, никто не сигналил.

– Что-то многовато на сегодня... – оторопело сказала Марта и переехала перекресток, чтобы припарковаться у

больницы.

Она снова планировала оказаться первой, но теперь сильно сомневалась, так ли уж это важно и здорово. Она дождалась своего приключения, но почему-то ощущение оказалось двояким, давящим и довольно мрачным. словно то, о чем она давно грезила, должно принести одни страдания. Но в то же время Марта не могла этого избежать, потому что происходящее было давным-давно предопределено.

Остановившись на месте аварии, где кучковались прохожие, едва не ставшие жертвами трагедии, Марта вышла из машины и вскоре оказалась в самом центре событий, оставив за спиной прочих ротозеев.

Металлический забор клиники словно обнимал синий БМВ, и казался сделанным из жидкого олова. Автомобиль намертво застыл в попытке просочиться сквозь прутья. Намертво... именно намертво. Не оставалось никаких сомнений в этом.

Сердце упало. Марта нагнулась, чтобы заглянуть в салон. Впереди сработали обе подушки безопасности, и они все были перемазаны в крови.

– О Боже, Эрик... – ахнула она, и тот сжал ее плечо.

– Вы его знаете? – вдруг спросила женщина, стоявшая рядом.

– Что? Я? – не поняла Марта. – Нет. Разумеется, нет. Я даже не могу разобрать, кто там.

– Парень и девушка. – мрачно заметила Джулиана, при-

жимая к груди свой цветок.

Ей стало совсем не по себе. Так много смерти этим утром. Что за совпадение? Уж не на ее ли это счет? Чтоб пристыдить, ведь всё связано в этом мире. Красивая пара.... Оба лежали, уткнувшись лицами в подушки, но Джулиана была уверена в этом. Дорогая одежда, шикарная машина... и два мертвеца, а она – она сама себя едва не лишила жизни.

– Что ты его повсюду носишь? – прошипела Марта, недовольная очевидной ремаркой Джулианы.

Конечно, она и сама видела, что там парень и девушка – блондинка с длинными испачканными кровью волосами и парень с модной стрижкой. Ужас-то какой!

– Расступитесь! – потребовали за спиной, и улицу тут же наводнили сирены.

К тому времени людей на месте аварии собралось довольно много. Они послушно отходили в сторону, давая дорогу медикам, одинаково молчаливые и печальные, словно деревья вокруг, шелестящие листвой на ветру. Казалось бы, ДТП в огромном мегаполисе – ну что тут особенного? Но пробежавшись по лицам людей, Марта почувствовала себя на похоронах какого-нибудь легендарного героя – такая обреченность витала в воздухе.

Меж тем, пока медики справлялись с дверью, подошли несколько патрульных и принялись опрашивать очевидцев, но ни Марте, ни кому-либо из ее попутчиков совершенно не хотелось принимать в этом участия. Наконец выбив стекло,

и справившись с дверьми, начали вытаскивать тела из поко-
реженного автомобиля, чтобы уложить на землю. Полицей-
ские оттеснили толпу, призывая всех расходиться по домам,
но люди были словно под гипнозом.

*Что лучше? – раздумывала Джулиана. – Прожить вместе
счастливо какой-нибудь незначительный срок и погибнуть
во цвете лет или так и не сойтись, но дожить до глубокой
старости?*

Буквально несколько часов назад она бы, не задумыва-
ясь, выбрала первое, но никто не предложил ей альтернати-
ву. Она стояла перед фактом неимения того, что хотела, и
поэтому предпочла смерть. Как-то совсем уж ущербно, если
задуматься....

Красивые ребята, хоть у обоих сломаны носы и разбиты
голова. Нет повести печальнее на свете.... Сложно было по-
нять хоть что-то по окровавленным лицам, но глядя на ру-
ки лежащих, Джулиана сделала вывод, что девушка уже дав-
но вышла из возраста Джульетты, хотя кто её знает на са-
мом деле.... Возраст – штука прозрачная до поры до време-
ни. И вдруг пристально изучающая руки Джулиана уловила
какое-то движение, словно указательный палец блондинки
дрогнул. Она изо всех сил напрягла глаза, стараясь не мор-
гать, и уже была готова признать, что ей почудилось, когда
палец девушки шевельнулся еще раз.

– Эй, она жива! – Джулиана дернула Марту за руку. –
Смотри!

Та уже готовая выплеснуть порцию негатива зацепилась взглядом за отчетливое движение якобы погибшей девушки. А тем временем ее уже собирались перекладывать на носилки, упаковав в мешок.

– Подождите! Она жива! – закричала Марта и бросилась к лежащей, минуя заслон из преградивших дорогу полицейских. Она бухнулась на колени, не представляя, что делать дальше, и схватила ее за руку. – Эй! Очнись! – крикнула Марта в самое ухо девушки.

В этот момент ее рывком подняли на ноги и оттолкнули в сторону. Эрик тут же подскочил, не позволив упасть.

– Что вы делаете?! – взбесился один из врачей. – Вы родственница?

– Да смотрите же! – закричала Джулиана из толпы, по которой прокатились изумленные возгласы.

Блондинка медленно открыла глаза и села... Все, кто находился здесь, включая полицейских и медиков, отступили на шаг, разинув рты. Кто-то из санитаров перекрестился.

– С вами всё в порядке? – невпопад спросила Марта, присаживаясь рядом с ней. Теперь никто не пытался ее удержать или оттолкнуть, боясь вообще приближаться.

– Что-то случилось? – заторможено спросила та, глядя на Марту сквозь кровавую завесу. Но, не дождавшись ответа, она заметила лежавшего рядом с ней парня и закричала. – Брендон!

С этим криком остальные пришли в себя. Медики броси-

лись к лежащим, пытаясь оказать хоть какую-то помощь, а полицейские обступили сплошной стеной, но Марту больше никто и пальцем не трогал. Блондинка не обращала внимания на посыпавшиеся вопросы и всячески уворачивалась от врачей, сотрясая Брендона за плечи.

Наконец к всеобщему изумлению он тоже открыл глаза. Медики и полицейские неопределенно переглянулись и принялись осторожно укладывать обоих на носилки, что было бесполезно, поскольку парень с девушкой упрямо поднимались на ноги.

– Идиот! – кричала она, обнимая своего ожившего спутника. – Сколько раз я говорила тебе – тормози, мать твою, на желтый!

– Господи, ты же вся в крови! – только и мог ответить парень. – Господи, Несси, прости меня!

Да, видок у обоих был еще тот! Лица, волосы, почти одинаковые кожаные куртки и джинсы – всё в крови, носы на боку. Хорошо, что хоть кости целы, как заключили обступившие их медработники, лица которых оставались одинаково озадаченными и мрачными. А что они могли еще заключить, видя, как люди легко поднялись на ноги и стали обниматься как ни в чем не бывало. Везунчики...

– Мы сами дойдем. – отмахнулся от них Брендон и обнял свою Агнес за плечи.

Бросив мимолетный взгляд на машину, они двинулись, пошатываясь, словно пьяные, в направлении больницы. Они

походили на выживших героев из боевика, которым не помещали бы обрезы для законченности образа, ну или еще что-нибудь внушительное.

– Пошли. – Марта озадаченно посмотрела на Эрика с Джулианой и устремилась вслед за парочкой.

Она никак не могла взять в толк, что происходит этим утром. Сначала девчонка, пустившая себе пулю в лоб, потом эти двое, разбившиеся в аварии. Как же они выжили? Прям благословение какое-то. А может, знак?

– Ну и денек... – словно читая ее мысли, заметил Эрик. Его ладонь интимно легла на шею Марты, утопая в бронзовых локонах.

– И не говори. – шепнула она в ответ. – Только есть ли смысл во всем этом?

– Не думаю, что стоит его искать. – ответил Эрик в своем обычном режиме. – Всё так, как есть.

Марта неопределенно пожалала плечами, чтобы не лезть на рожон. Она слишком устала для этого. Марта не была согласна с его точкой зрения, но что делать – такова незыблемая позиция Эрика, с которым бесполезно спорить. Всё так, как есть, это он правильно сказал.

Тем временем раздраженная странным поведением Марты Джулиана думала о том же. Действительно – в чем смысл? Не то что – хорошо это или плохо, а просто... *почему?* Небось столько хороших и истинно добрых людей ушло по дурацким причинам и, может, даже этим утром! Но именно

та, кто презрительно относилась к этой жизни, получила второй шанс. В голове у Джулианы до сих пор не укладывался тот факт, что она выстрелила себе прямо в лоб и при том не медлила, не репетировала, не сомневалась, а просто сделала это, считая, что уже и так давно не живет. Не существует даже. Пуля пробила ее череп и прошла насквозь через мозг, а Джулс даже боли не почувствовала, хотя по всем параметрам должна быть тяжело ранена или мертва в девяносто пяти процентах случаев, чего уж там. Самое интересное, что от всего этого она не испытывала никакого душевного подъема или радости, и не потому что оказалась неблагодарной свиньей. Просто ей было до одури страшно... так страшно, что тряслись поджилки, и сбивалось дыхание. И никого рядом, чтобы успокоить, поэтому она всё сильнее сжимала в объятиях пластмассовый горшок с такой, словно та являлась ее единственной связью с реальностью. С тем, что пока еще не сошло с ума. Джулиана чувствовала, что стоит на самом краю бездны, и так просто эта история не закончится, потому что самое страшное только впереди. От этого поднималась жуть липкой волной из самого нутра, чтобы расползтись по сосудам ядовитыми парами, обещая в скором времени добраться до сердца и мозга. И тогда она перестанет быть тем, кто есть, навсегда запершись в собственном теле, и станет жить лишь отрадными фантазиями. И ни один Лиланд на свете не сможет ей помочь.

Когда началась регистрация, Олден и Адель открыли вторую бутылку. Они устроились в небольшом кафе, где плотно пообедали, и теперь пили скотч из бумажных стаканчиков, в которых им подали апельсиновый сок. Стыковка пролетела для обоих практически незаметно. И как ему удалось протасовать целых две бутылки через таможенный досмотр? Загадка. Видимо, на Олдена не распространялись общепринятые правила. Может, он обладал даром гипноза?

– Не верю, что мы это сделали... – улыбаясь до ушей, Адель спрятала лицо в ладонях и растерла его. – Вот черт, я же в косметике! – охнула она, стукнув себя по лбу.

– Насколько я помню, когда ты вся перепачкалась в отбивной, то ходила умываться, разве нет?

Она наигранно захлопнула рот ладонью и засмеялась.

– Верно!

– Всё отлично. – заверил ее Олден.

Адель отмахнулась и улеглась на руки.

– Это время было бесценным, Олден. Как я буду без тебя? Не представляю, как я буду вообще....

– Всё будет хорошо, Ади. Как только ты поймешь, чего хочешь.

– А если этого не случится?

Олден расслабленно подпер щеку кулаком.

– Случится, поверь мне. Случится.

– Ну откуда тебе знать? Хотя... ты же у нас Старик – человек, который знает всё. – улыбнулась Адель. – Но просто... не каждому ведь это дано, правда? Возможно, найти себя – это величайший дар, благословение. Большинство живут по инерции, даже на йоту не приближаясь к тому, что где-то существует именно для них. Ведь разговор не о деньгах. Люди, которые делают заработок самоцелью – просто занимаются самообманом, поэтому даже добившись миллионов, они не чувствуют удовлетворения и просто продолжают рефлекторно гнуть старую линию. Понимаешь меня?

Олден кивнул и поднял стакан.

– А есть среди них такие, кто бросают всё, что нажито, и пускаются, например, в кругосветку, потому что понимают, что созданный ими идеал жизни лишен смысла. Но ты знаешь, я слышала о человеке, который так и поступил, но когда вернулся, снова продолжил делать деньги ради денег. Понимаешь?

Тот лишь коротко улыбнулся.

– Я хочу сказать, что здесь всё упирается в удачу. А везет лишь единицам.

– Тебе обязательно повезет.

Но она отмахнулась.

– Адель... – Олден взял ее руку в свою. – Везение, как и счастье, вера, несправедливость – это только у тебя в сознании. Окраска эмоций. Знаешь, что в словаре про удачу на-

писано?

– Нет. – улыбнулась ему Адель, изо всех сил стараясь понять, что он говорит. Его шотландский акцент крепчал с каждым часом.

– Что это лишь позитивно воспринимаемое событие в результате стечения обстоятельств. Ты понимаешь, что исходя из этого, ты можешь радоваться практически всему?

– Если события положительного характера, то да – могу. Но если я, к примеру, сломаю палец, то вряд ли буду преисполнена ликования, что не сломала всю руку. Хотя другой скажет: «Повезло».

Олден убрал свою ладонь и отклонился.

– Ади, дорогая, я всего лишь хочу сказать, что не события управляют тобой, хотя порой они складываются таким образом, что очень сложно сделать свой выбор.

Они ненадолго замолчали, уже с неохотой попивая скотч. У ворот № 6 выстроилась огромная, как обычно, очередь, так что ни Адель, ни Олден не стремились в нее пока вливаться. Тем более что в самолет не пропускали, не смотря на то, что посадка была уже объявлена. Такое происходит сплошь и рядом – необходимая порция командировочных унижений и неудобств.

– Знаешь, что я думаю? – сказала Адель, и Олден кивнул. – Ты, как и большинство, не воспринимаешь меня всерьез. Ты думаешь, что я слишком много себе надумала. И вместо того, чтобы попусту выпендриваться, мне надо найти

работу и сидеть в офисе с утра до ночи. – вздохнула Адель. – Не знаю, может, так и надо сделать.... А вдруг пойдёт?..

Олден пренебрежительно хмыкнул.

– Не помню, чтобы делал какие-то намеки, и не помню, чтобы ты была телепаткой. Напротив, я считаю, что тебе нужно подождать и хорошенько всё обдумать.

– Олден... – она взволновано посмотрела на него. – А что если я буду думать еще лет десять? Или ждать всю жизнь, пока она будет проходить мимо? Что если, умирая, я буду мучиться от сожалений так сильно, что ты и представить себе не можешь? Что тогда?

– Тогда? – тот задумался. – Тогда ты просто умрешь.

– О! – криво ухмыльнулась Адель. – Ты такой милый....

– Такова правда. Тебе не перед кем отчитываться. Проживешь, как проживешь, а затем умрешь.

– А в Бога ты, конечно же, не веришь, раз говоришь такое?

– *В Бога?* – с издевкой переспросил тот и залпом допил свой стакан. – Я сейчас.

Он взял свою трость и пошел в направлении туалетов. На его лице застыло выражение неприязни, и это была никакая не маска. Адель наморщила лоб, словно бы заметила что-то не увязывающееся с образом человека, которого так хорошо знала, а потом отмахнулась.

Олден оставил свой бумажник на столе – забыл, наверное, убрать, когда расплачивался. Трезвой Адель ни за что бы, конечно, не осмелилась, но сейчас.... Ведь в бумажни-

ках обычно хранят какие-то фотографии? Было бы интересно посмотреть на кого-то по-настоящему значимого для Олдена. Она смело взяла его в руку и раскрыла – бинго – миловидная девушка приблизительно двадцати лет пронзительно смотрела на нее с маленького цветного фото три на четыре. Ее красота не казалось яркой, но она, определенно, завораживала, словно каждой своей клеточкой эта девушка излучала сияние. Она была похожа на нежного ангела.

На полпути обратно Олден сбавил шаг, увидев свой бумажник в руках Адель, и сел за столик, пристально на нее таращась. Посмотрев в ответ, она не увидела в его больших карих глазах никакого осуждения, поэтому улыбнулась.

– Это ведь твоя жена? Такая молоденькая! А есть фото сына?

– Положи там, где взяла... – расщепляя каждое слово, молвил Олден.

Адель, опешив, подняла на него глаза и рассмотрела то, что сперва приняла за спокойствие. Олден был в ярости. Не той, что заставляет скулы ходить ходуном или охватывает щеки нездоровым румянцем. Казалось, что на его лице не напряжена ни одна мышца, хотя это лишь обман. Такого Олдена Адель еще не видела, и дай Господи никогда больше не увидеть.

– О Боже... – охнула она и положила бумажник на место. – Прости-прости-прости! Мне ужасно стыдно! – она накрыла его ладонь своей. – Ты простишь меня?

Тот тряхнул головой и снова стал прежним Олденом.

– Не бери в голову. Не знаю, что на меня нашло.

– Фу, слава Богу... – выдохнула с облегчением Адель. – У тебя было такое лицо, я думала мне крышка.

Олден безразлично отмахнулся и убрал свой бумажник внутрь пиджака.

– Пойдем, а то самолет улетит без нас.

Они надолго замолчали. Все эти сопряжённые с полетом инстанции мало располагают к задушевным беседам, да и хорошо, что они не разговаривали – надо было как-то перевернуть произошедший эпизод, ведь на минуту Олден превратился в совершенно другого человека. Того, кого боятся. Кого *надо* бояться... потому что он реально опасен.

Олден и сам ругал себя изо всех сил сейчас. Он не должен был так реагировать, но безумие подкралось к нему так быстро. Теперь он не мог пройти мимо ни одного зеркала или витрины, не выискивая происходящие с ним изменения. Акцент? К концу полета Адель и вовсе перестанет его понимать. Тембр, манера, движения – менялось абсолютно всё. Раньше его голос казался спокойным и мягким, каким-то гипнотизирующим и таинственным, а манера излагать всегда оставляла легкую недосказанность, загадывала загадку. А что теперь? Его застарелый образ методично сливался в унитаз. Немного дерганый, но ужасно милый, словно молодой пес. За такого всё время хочется заступиться – не дай бог кто обидит. Таким он был в юности, когда за спиной все-

гда стояли четверо больше-чем-друзей и любимый отец, которого Олден боготворил.

Дав столько советов Адель о том, что делать дальше, он и сам почувствовал себя на очередном перепутье. Он больше не был уверен в том, чем хочет заниматься, хотя с его-то сбережениями, он мог позволить себе всё, что заблагорассудится или вообще больше ничего не делать. Мог запросто найти Джулиану, хотя... вряд ли он когда-нибудь позволит себе влюбиться. Вряд ли он вообще серьезно относился к чувствам девушки. Она ведь молодая – остынет и найдет кого-то помоложе, да и попроще. Можно было бы взять с собой Адель, помочь ей достичь успеха, например, но имелось у нее одно чрезвычайно опасное качество – она умела пролезть человеку в душу и выведать все его секреты. Олден не сомневался, что если ей дать еще месяц, то она вывернет и его наизнанку.

Зачем вообще человек хранит секреты о своем прошлом? Чтобы никто не узнал, как тот ужасен? Какие отвратительные поступки совершал? Просто порой секреты разрушают отношения между двумя. Стоит ли говорить, что они так же стирают носителя изнутри? Они, как инородные предметы, срок годности которых очень давно истек, дав старт неизбежному сепсису. Что страшного в том, чтобы признаться, что ты любил и совершал ошибки, порою даже выглядел глупо? Это ведь не показатель слабости, а скорей человечности. Ну да, конечно, Олден не просто совершил ошибку, он

убил... но отнюдь не это было основополагающим его великой тайны, впоследствии перекроившей всю его личность, а то, что произошло дальше из-за этого убийства. Включая Дэвида Шамуэя, Олден убил восьмерых – семеро из которых являлись для него не только семьей, но целым миром. Его миром – всем, что он когда-либо любил. И Олден ни при каких обстоятельствах не хотел бы испытать снова даже самую крохотную, едва осязаемую частицу того, что пережил тогда.

* * *

То, что поражало Еву больше всего на свете так это то, как устроены собаки. Они не прекращают любить своих хозяев, не смотря ни на какие издевательства. Ева однажды случайно разговорилась с таксистом, у которого был питбуль. Тот с таким упоением рассказывал, как ломал волю своего пса, напрашиваясь на похвалу, но у Евы ничего кроме жгучей ненависти эта история не вызвала. Да, не поспоришь – порода серьезная, но это не оправдывает тяжелых побоев. За малейшую провинность таксист мог морить собаку по нескольку дней голодом, закрывая одну в темной кладовке, точно в карцере, а один раз едва не забил насмерть за то, что та ухватила кусок мяса со стола. Ева живо представила его руки в крови – своей собственной и собачей – и то, как здоровенный бойцовый пес лежит на боку, поджав хвост, и вздрагивает, жмурясь, от каждого движения хозяина, от каждого *мнимомо-*

го издевательского замаха. Но когда раны затянулись, пес не перестал любить, он усвоил жестокий урок и больше никогда не совершал ошибок. А сколько садистов на свете?.. У них у всех есть домашние животные... Безглазые, поломанные, вечно напуганные, но всё равно готовые дать еще один шанс, стоит их приласкать. Редко, кто узнает об этом – до людей не всегда есть дело, не то, что до зверей. Редко, кто сообщает куда-то, а в передачах по спасению жертв людской жестокости не показывают и половины ужасов. Когда думаешь о животных, о том, насколько те доверчивы, наивны, неиспорченны – внутри всё переворачивается. Узнаешь, как с ними обходятся некоторые, и ей Богу, хочется убивать.

Да, Ева была застарелым мизантропом, люто ненавидящим и презирающим весь этот мир. Тихо внутри и тем страшней. Он не дал ей ничего из того, что она хотела. Втайне хотела. Ева не часто говорила о своих желаниях, вечно следуя на поводу у родителей, боссов, преподавателей и врачей. Начиная с малых лет, она выполняла всё, что от нее хотели. Четко следовала предписаниям и никогда не отказывалась от дополнительной работы, даже если та никак не оплачивалась. Училась и работала, где выбрали родители, встречалась только с одобренными мамой и папой мужчинами, не понимая даже, о чем с ними толком говорить. Глубоко внутри она вела гневные беседы, находя точные по своей образности фразы, рыдала по ночам и рвала зубами подушку. Но это только внутри, потому что ее кипящей ярости было так

и не суждено выплеснуться наружу. Она видела свое незавидное будущее под одной крышей с властными родителями и однажды так перепугалась, что дала добро на замужество. Единственное, что за всю историю она могла иметь своего – так это собаку. Джек Рассел терьер по кличке Джек получал всю неизрасходованную любовь. И сейчас она прижимала переноску к груди, как последний оплот ее мнимой свободы, лишь слабо надеясь, что выйдя замуж, обретет нечто нереальное, почти мифическое – то, о чем тайно мечтала всю жизнь. Право на выбор.

Роберт Корнер – партнер ее отца по строительному бизнесу – не имел в своей внешности ничего примечательного, но создавал впечатление приличного, по мнению родителей, человека. Кто знает, может позже хоть какие-то чувства и проснутся? Все так говорят. Точней отец – он то знает в этом толк. Ведь причины устроить свою личную жизнь у каждого свои, а необходимость одинаковая. Сколько не отпирайся, не отнекивайся – все хотят одного и того же. Ева понимала, что в любом случае любовь – то, к чему следует стремиться. Но если таковой нет и, возможно, никогда не будет, что делать? Только устраивать свою общественно-одобренную личную жизнь и надеяться на лучшее.... Беда в том, что есть люди, которые так не могут. Они либо находят то, что ищут, либо нет, оставаясь в этом ужасающем поиске всю свою жизнь. Если бы не *факторы*, не давление со стороны, не страхи, Ева бы ушла в свободное плавание, и плевать, что там впереди

в густом тумане. Но она была воспитана послушной девочкой и даже иногда верила, что рано или поздно всё это пойдет ей на пользу, но очень в редкие моменты. . . . В остальное же время в ней бушевала ненависть, которая росла и крепла день ото дня, постепенно оккупируя весь организм, сознание и душу.

Сейчас Еву бесило буквально всё: Джек, поскуливающий в переноске, пожилая пара справа от нее, *тихо* обсуждающая скулеж пса, близ сидящие пассажиры, искоса поглядывающие на нее, и эта тряска – невыносимая тряска, которой она боялась до одури. Больше всего на свете Ева ненавидела летать, испытывая холодный ужас от каждого осязаемого движения. На борту самолета все остальные раздражители буквально меркли. Она сидела, как на иголках, и молилась, чуть ли не вслух – *Господи, да останови же это!* Трясло так, словно они ехали по сельской насыпной дороге, разбитой грузовиками и превратившейся в барханы.

– Вы не могли бы утихомирить свою собаку? – наконец не выдержала пожилая дама, обливающаяся потом, в то время, как ее муж со слоновьим спокойствием зачитывался Нью Йорк Таймс.

– Не могла бы! – рявкнула Ева. – Я заплатила за провоз моей собаки в салоне семьдесят пять долларов – не многим меньше, чем ваш билет, верно? И меня, кстати, тоже бесит ваш пот на лбу и трепотня, но я же молчу!

С этим Ева отвернулась, оставив соседку «обтекать», а ее

муж даже ухом не повел. Видимо, был полностью согласен или же просто не хотел конфликта.

Зло буквально перло из Евы, казавшись почти осязаемым. Невысказанное, накопившееся, но всё еще сдерживаемое. Она могла бросаться на незнакомцев, но что-то ей мешало противостоять родным. Может, потому что боялась остаться совсем одна? В любом случае в ее голове роились страшные картинки того, что она могла бы сделать, вместо словестной обороны, но Ева отгоняла их, чувствуя себя ненормальной. Она всю жизнь сопротивлялась этому огнедышащему напору тьмы, ограничивая себя в увлечениях, фильмах, которые могли спровоцировать в ней ярость, общении. Ева себя прекрасно знала, в свое время тщательно исследовав темную сторону своей луны, и впоследствии балансировала на самом краю, неустанно контролируя поведение и мысли. Мысли – это всегда нехороший звоночек. Их ведь можно даже не заметить, а потом наступает поздно. И так с самого детства. Не срывать – было ее главной задачей. *Почему, – задавалась вопросом Ева. – Другие не сталкиваются с подобной проблемой? Не вынуждены постоянно быть на чеку и сопротивляться?*

Иногда Ева задумывалась, а что если она и вовсе перестанет себя сдерживать? Что тогда будет? В кого она превратится? Откуда такое берется, Господи? Может, кровь порченая? Может, события прошлого? Может, проклял кто? Хотя при её осведомленности о своих корнях вряд ли выяснишь

подобное. Мать Евы рано лишилась родителей, а отец вообще никогда не распространялся о своих родственниках. Хотя Ева всегда чувствовала, что зло, живущее в ней, может иметь и потустороннее происхождение, а поэтому вдвойне опасно. Говорят, что выбор всегда остается за человеком, и это правда. Но очень тяжело сопротивляться тому, что, возможно, и есть твоя сущность.

Была низкая беспросветная облачность, самолет, наконец, пошел на посадку, и этот неприятный пугающий полет обещал скоро закончиться. Трясло бесконечно, и Ева боялась дышать лишний раз. Суший ад. Она даже вскрикнула, когда самолет подался в сторону, перепугав соседку, хотя муж ее так и не оторвался от газеты, сохраняя комично непоколебимый вид. Ева испуганно смотрела на вибрирующее крыло и думала, что оно сейчас просто оторвется, а самолет сломается наполовину от этой тряски. Она была так напряжена, что, казалось, вот-вот схватит удар. Переноску пришлось поставить под сиденье, несчастный Джек заунывно подвывал и, судя по запаху, обделался. Но сейчас это было неважно даже для пожилой леди справа.

Можно сколько угодно сотрясать воздух статистикой, но правда в том, что когда ты заперт в железной машине в километрах над землей, где совершенно не за что уцепиться, то нет никакой надежды на статьи из интернета и никаких даже самых нелепых иллюзий. Люди же не летают? Когда самолет трясет, бездна под ногами ощущается, как никогда. Чувство

абсолютной незащищенности. Остается напиться и помолиться, но очень часто на первое просто не хватает времени, а что касается второго – Ева никак не могла вспомнить слова. И не потому, что давно этого не делала. . . . Просто во власти паники ты превращаешься в маленького ребенка с широко-ми от ужаса глазами, совершенно беззащитного, ведомого, неуклюжего и глупенького.

Стоял туман, и было уже достаточно близко, чтобы это рассмотреть. Стюардессы и стюарды сидели пристёгнутыми в креслах, сохраняя внешнее спокойствие, но отчего-то лица казались слишком белыми. Умирая от страха и немощи, Ева достала Джека из переноски – такого же напуганного, как и она сама – и прижала к груди. Соседи даже и не подумали протестовать, мечтая только о том, чтобы этот прокля-тый полет поскорей закончился. Пожилая леди решила, что вряд ли похвалит пилота хотя бы одним хлопком в ладоши.

Оставались считанные секунды до приземления. Кажет-ся, вот-вот должны были коснуться полосы. И вдруг разда-лся грохот от столкновения с землей, невыносимый скрежет, визг в салоне и крики боли. . . . Ева и подумать не могла, что такое может случиться. Ее било головой об спинки сидений, словно тряпичную куклу, чему она не могла сопротивляться. Куда-то исчез Джек. Оглушительно визжали колеса, а даль-ше всеобъемлющая паника и дым, стоны, крики, грохот сли-лись в единое месиво. И опустилась тьма.

Адель просто ненавидела летать, но, во-первых, сейчас с ней рядом сидел Олден, по виду ничего и никогда не боящийся, ну а потом они снова выпивали, так что турбулентность не возымела должного влияния, хотя трясло весь полет.

История с бумажником забылась, и Олден был снова самим собой, так что они прекрасно провели время, несмотря на очень долгий перелет. Он без конца подтрунивал над ее надуманной аэрофобией, но Адель сейчас была не в том состоянии, чтобы переживать, даже если бы пришлось совершать аварийную посадку. Хотя трясло жутко, особенно, когда самолет снижался. А еще этот туман....

Не осталось ни одной темы, которую они еще не обсудили, узнав друг друга от и до. Так казалось. Олден даже рассказал про ногу, что сломал ее, спяну оступившись на лестнице, а потом каким-то образом туда попала инфекция, и ее ломали снова. Он провалялся в больнице пару месяцев, а потом еще с год ходил на костылях, в итоге так и остался хромым. Усилившийся акцент Олдена немного мешал, но Адель не решилась упомянуть об этом, чувствуя, что ее друг как-то болезненно реагирует на это. Также она не задавала никаких вопросов по поводу его семьи, побаиваясь испортить последние часы своей беззаботной и развеселой жизни, ведь

как только они расстанутся, всё вернется на круги своя, как и сожаления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.